

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-197-256
УДК 821.161.1

**«Крест над вьюгой»:
Философ Александр Горский —
о поэме Александра Блока «Двенадцать»***

А.Г. Гачева

Аннотация: Статья и публикация вводят в научный оборот разбор поэмы А.А. Блока «Двенадцать», сделанный философом, эстетиком, поэтом Александром Константиновичем Горским (1886–1943). Статья, сохранившаяся в архиве Горского, состоит из двух частей, и первая ее часть была прочитана в качестве доклада в Одесском литературно-художественном обществе 23 января 1919 г. Горский представляет Блока как поэта-мыслителя, облакающего рефлексию о человеке и истории в художественные формы, доказывает органическую связь поэмы «Двенадцать», которую он рассматривает как «лирическую драму», со всем блоковским творчеством, демонстрирует, как в ней претворяется тема «Вечной Женственности» и ее трагедии в эмпирическом мире, анализирует звучащую в поэме тему «подмены», бессилия революционного действия перед лицом природных стихий (маркером этой темы становится для него лейтмотивный образ «вьюги» и «ветра»). В отличие от тех, кто увидел в «Двенадцати» апологию большевизма, Горский показывает, как в форме непрямого высказывания Блок демонстрирует неполноту и дробность социального идеала большевиков. Образ Христа, появляющийся в финале поэмы, Горский трактует как «камень», который должен лечь в фундамент целостного идеала, нового, совершенного строя жизни. Только Христос, утишавший бури, воскрешавший умерших, дает импульс к подлинному социальному действию. «Двенадцать» преследуют Христа, но преследующий всегда невольно идет за преследуемым. И значит преследователи могут превратиться в последователей, преобразиться из «Савлов» в «Павлы». Предисловие к публикации дает сведения о биографии и наследии А.К. Горского, представляет историю обращений философа к творчеству А.А. Блока.

Ключевые слова: философ и поэт А.К. Горский, поэма А.А. Блока «Двенадцать» как «лирическая драма», дробный и целостный идеалы, трагедия «Вечной Женственности», мотивы «ветра» и «вьюги», образ Христа.

Информация об авторе: Анастасия Георгиевна Гачева, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: a-gacheva@yandex.ru

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 17-18-01432.

В свое время поэт А.Н. Тихонов называл свои тексты, так и не увидевшие печати, погребенными «в могиле стола». Эпоха, последовавшая за русской революцией 1917 г., явила множество таких текстов, созданных как творцами Серебряного века из числа оставшихся в Советской России, так и теми, кто пришел в литературу в предреволюционное или революционное время, но не смог или не захотел втиснуться в прокрустово ложе большевистской идеологии, диктовавшей свои правила и в жизни, и в литературе. Стихи, поэмы, рассказы, романы, философские эссе и статьи сбрасывались «в могилу стола» без всякой надежды когда-нибудь выйти в печать... Многие из этих текстов не пережили катаклизмов истории: одни были конфискованы при арестах и пропали безвестно, погибнув в кострах Лубянки, другие затерялись в годы войны, третьи в эпоху относительного благополучия были вынесены на помойку легкомысленными потомками, расчищавшими себе место для жизни. Но были и те, что сохранились – поистине чудом.

Один из таких чудом сохранившихся текстов мы представляем читателю. Непубликованный доклад философа, поэта, эстетика Александра Константиновича Горского (1886–1943) о поэме Александра Блока «Двенадцать», прочитанный им на заседании знаменитого одесского ХЛАМа холодным январским днем 1919 г., а затем расширенный в статью, которую в разлуке военного времени автору так и не удалось пристроить в печать. Рукопись пережила три ареста. После гибели Горского в Тульской тюремной больнице кочевала с архивом мыслителя от его жены, певицы М.Я. Монзалевской к духовным ученицам философа О.Н. Сетницкой и Е.А. Крашенинниковой, тем самым «девочкам», что в начале войны донесли идеи философа «общего дела» Н.Ф. Федорова, до Б.Н. Пастернака¹. Когда же и они, выросшие, прошедшие свой путь и состарившиеся, ушли в мир иной, рукопись оказалась в сарае дома Крашенинниковых в Ашукинской и хранилась там среди других материалов архива Горского несколько лет. Настоящее чудо, что снег и дождь, проникавшие через крышу сарая, пощадили две хозяйственных сумки, в которые были сложены материалы архива.

Скажем о самом авторе этого текста. Выпускник Московской духовной академии, одушевленный идеями русского религиозно-философского возрождения, Горский не пошел по церковной стезе, на чем настаивал тогдашний ректор еп. Феодор (Поздеевский),

¹ См. об этом: *Семенова С.Г. Философ будущего века* – Николай Федоров. М.: Пашков дом, 2004. С. 547–552; *Берковская Е.Н. Судьбы скрещенья*: Воспоминания. М.: Возвращение, 2008. С. 589–601.

проча ему блестящую карьеру и скорое епископство в Петербурге. В 1911 г., по благословиению одного из старцев, живших в Черниговском скиту близ Троице-Сергиевой лавры, двадцатичетырехлетний Горский ушел в мир², повторив в своей биографии ситуацию, созданную Достоевским в романе «Братья Карамазовы», где старец Зосима благословлял Алешу Карамазова идти из монастыря на христианское делание за пределами церковных стен.

Скрещение жизненного сюжета с литературным, впрочем, было не удивительно. Для деятелей Серебряного века «Братья Карамазовы» стали своего рода Библией: они вышли из последнего романа Достоевского, как писатели натуральной школы – из гоголевской «Шинели». Горский исключением не был. Достоевский с юности являлся его кумиром. Как и два другие современника Достоевского – Н.Ф. Федоров и В.С. Соловьев. Горскому была близка одушевлявшая их идея истории как «работы спасения», вера в человека как соратника Творца, не раба, но сына, от которого Господь ожидает творческой активности и любви. И в мир молодой философ и богослов ушел не для поклонения Ваалу, не для жизни «в свое пузо»³, а для раскрытия в нем его подлинного, Божьего лика, для служения делу спасения мира, «восстановлению его в то благолепие нетления, каким он был до падения»⁴, как писал тот же Федоров.

Алешу Карамазова, любимого героя Достоевского, воплотившего в себе тип «положительно-прекрасного человека», Горский напоминал и характером (радостным, светлым, не унывающим, несмотря на превратности жизни), и складом ума, и горячностью сердца. «Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю»⁵ – эти слова Алеши стали и его жизненным девизом. Он был тем самым «реалистом» «в высшем смысле», в котором, по слову Достоевского, «не вера от чуда рождается, а чудо от веры»⁶. Хотя, с точки зрения одномерного лужинского «реализма», твердо стоящего на прагматической почве, имеющего свои незыблемые представления о «нормальности», Горский, безусловно, попадал в разряд «юродивых» и «чудаков». Добавим: впрочем, тех чудаков, которые, по замечанию

² Этот поворот биографии Горского описан в очерке его биографии, сделанном О.Н. Сетницкой (*Сетницкая О.Н.* Александр Константинович Горский // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого).

³ Выражение Ф.М. Достоевского (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1984. С. 51).

⁴ *Федоров Н.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 401.

⁵ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. С. 25.

⁶ Там же. С. 24.

Достоевского, носят в себе «сердцевину целого», в отличие от «остальных людей» эпохи, которые «все, каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались»⁷. Такими «чудаками» в начале XX в. были и деятели Санкт-Петербургских религиозно-философских собраний, стремившиеся к диалогу между Церковью и интеллигенцией, и идеологи «нового религиозного сознания» З. Гиппиус, Д. Мережковский, Д. Философов, одушевленные идеалом «Третьего Завета» между Богом и человеком, и члены Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева, носившиеся с идеей «христианской общественности». И Андрей Белый, который юным студентом выбегал на балкон арбатского дома, чтобы созерцать свою «Сказку», имевшую, как и Блоковская «Прекрасная Дама», вполне земной прототип, создатель ни на что не похожих «Симфоний», на полном серьезе ходивший за Новодевичий монастырь искать кентавров и позднее, в эпоху штейнерианства, пытавшийся в одиночку вести духовную брань с «драконом войны»⁸.

С Белым Горский сойдется гораздо позднее – в первой половине 1920-х гг., когда поэт приедет из Берлина в Москву и два «рыбака», друг друга увидевшие издалека, будут вести «весьма интересные беседы о разных вещах, довольно диких для окружающей публики»⁹. Но помимо этих «диких вещей», внятных только «чудакам», для которых каждое событие жизни прочитывалось метафизически, окрашивалось вневременным смыслом, выводилось в план сверхреальности, в пространство апокалиптической схватки сил света с полчищами «князя века сего», Горский и Белый касались и блоковской темы, интимно близкой и другу-сопернику Блока, и критику и философу, заболевшему Блоком еще в далекой юности, а теперь – члену Ассоциации по изучению творчества Блока, образовавшейся в начале 1924 г. при ГАХН.

От момента окончания Московской духовной академии, обозначившего крутой вираж в жизни Горского, до дня вхождения в Ассоциацию прошло четырнадцать лет. Он живет то в Москве, то в Петербурге, даже некоторое время слушает лекции на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета (мечта посвятить себя литературе зародилась еще в академический

⁷ Там же. С. 5.

⁸ См.: Брюсов В.Я. Дневники. 1891–1910. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1927. С. 134; Белый А. Материал к автобиографии (интимный) / Публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. М.: Открытое общество «Феникс», 1992. С. 409–449.

⁹ А.К. Горский – М.М. Шкапской. 7 мая 1924 // РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 280. Л. 26 об.

период его биографии). Сближается с поэтом, публицистом, бывшим священником И.П. Брихничевым, одним из лидеров движения голгофских христиан, учивших, в духе другого «положительно прекрасного» героя Достоевского – старца Зосимы, о всеобщей ответственности за грех и зло мира и о необходимости всеобщего объединения для полной победы над грехом, злом и смертью, вошедшей в мир в результате греха. Голгофцы интересовались идеями Федорова, находя у него близкий им пафос христианского делания, идею богочеловеческого сотрудничества, призыв дополнить индивидуальное спасение спасением всеобщим, соборным. Подобно философу всеобщего дела, подчеркивали, что «христианство – активная сила», оно требует деятельного уподобления Христу-Воскресителю, наполняет смыслом историю, которая становится путем к Преображению, «к тому состоянию, когда, по слову апостола, – будет Бог все во всех»¹⁰.

И.П. Брихничев, издатель журнала «Новая земля» (1910–1912) и еженедельника «Новое вино», начавшего выходить в конце 1912 г. и запрещенного после третьего номера, стремился собрать на страницах этих изданий голоса мыслителей и поэтов, причем особенно важным считал сотрудничество А.А. Блока и Н.А. Клюева¹¹. Горский, захваченный Блоком с юности, понимал и разделял отношение главного редактора «Новой земли» к его поэзии. Еще в 1906–1912 гг. в своих записных книжках, стилизованных в духе Серебряного века под настоящие книги – с титульным листом, заглавием и псевдонимом «С. Рокустин», он обращался к блоковскому наследию. А его первый сборник стихов «Глубоким утром» (Москва, 1913) был пронизан художественным влиянием Блока, что не преминули отметить рецензенты – одни сочувственно, другие – иронично и даже несколько зло¹².

Сильнейшее впечатление на Горского произвело письмо Блока Брихничеву от 26 августа 1912 г., написанное в ответ на призыв

¹⁰ Брихничев И.П. Огненный сеятель. М.: Н.И. Дорофеева, 1913. С. 22.

¹¹ Об истории сотрудничества Блока и Н.А. Клюева в газете И.П. Брихничева «Новая Земля» (1910–1912) и контактах Брихничева и Блока см.: *Азадовский К.М.* [Вступительная статья]. Письма Н.А. Клюева к Блоку // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4. М.: Наука, 1987. С. 446–450. О «голгофских» мотивах поэзии Клюева см.: *Серегина С. А.* Н.А. Клюев и голгофское христианство: к истории вопроса // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. М.: Индрик, 2016. С. 468–483.

¹² См.: *Перцов П.* Утренняя книжка // Новое время. 1913. 17 августа. Иллюстрированное приложение; Г.В. [Г. Вяткин]. Рец. А. Горностаев. Глубоким утром. Издание Н.И. Дорофеевой. Москва, 1913 // Сибирская жизнь. 1913. 18 июня. № 132. Георгий Иванов, которому сборник Горского категорически не понравился, раздраженно заметал: «Стихи А. Горностаева – неумелое и бездушное подражание романисту Блоку» (День. Литературное приложение. 1913. 21 октября. № 285).

последнего высказаться на страницах «Нового вина» о программе журнала и творчестве Н.А. Клюева. В 1922 г. Горский опубликует это письмо в еженедельнике «Сегодня» с собственным комментарием, где заметит, что «под маской спокойствия, сквозь страшную сдержанность тона, чувствуется в письме невероятная душевная напряженность, биение какой-то огромной, не высказываемой (и не высказанной покуда) мысли»¹³. Блок отказался от сотрудничества в «Новом вине», подчеркнув невозможность делать хоть какое-то «общее дело» в мире, разделенном на клетки, где каждый способен делать лишь свое собственное, маленькое, «одинокое дело»¹⁴. Эта разделенность единого полотна человеческого рода на локальные сегменты, невозможность объединиться и согласиться в чем-то одном, на которую горестно сетовал еще Достоевский¹⁵, а значит (в отсутствии внутреннего согласия, внутренней готовности личности соединиться с другими, отличными от нее «я») и абсолютная невозможность «делать *общее дело* <...> с кем бы то ни было»¹⁶, по убеждению Горского, составляло главную коллизию Блока-художника и Блока-мыслителя. При этом сам поэт, казавшийся слишком большой вершиной и слишком самобытной величиной, чтобы снизойти к какому-то коллективному действию, на самом деле стремился к единству – но совершенно другого масштаба, чем то, которое предлагали деятели типа Брихничева. Блок мечтал о единстве, переходящем за грани эмпирического и человеческого, о единстве, образ которого предстал в молитве Спасителя накануне той ночи, с которой начался Его путь на Голгофу: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17, 21).

«Может быть, я говорю так потому, что соединение и связь мыслю такими несказанными и громадными, какие редко воплощаются в мире»¹⁷. Эти слова Блока Горский полагал ключом к его мысли и творчеству, равно как и к пониманию трагедии поэта, не находящего в век всевозможных объединений, больших и малых, творческих

¹³ Горностаев А.К. [А.К. Горский]. Голос из клетки. Неизданное письмо А.А. Блока // Сегодня. № 2–3. 3–10 октября. С. 4.

¹⁴ [Письмо А.А. Блока] // Там же.

¹⁵ «Все обособляются, уединяются, всякому хочется выдумать что-нибудь свое собственное, новое и неслышанное. Всякий откладывает все, что прежде было общего в мыслях и чувствах, и начинает с своих собственных мыслей и чувств. Всякому хочется начать с начала. Разрывают прежние связи без сожаления, и каждый действует сам по себе и тем только и утешается» (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 22. Л.: Наука, 1981. С. 80).

¹⁶ [Письмо А.А. Блока] // Сегодня. № 2–3. 3–10 октября. С. 4.

¹⁷ Там же.

и общественных, политических и религиозных, такого, в котором он не чувствовал бы стращенности, идеалы которого мог бы до конца отождествить со своими.

В 1912 г. ответить поэту лично Горский не мог. В отличие от Брехничева, у него не было с Блоком никаких эпистолярных контактов. Впрочем, и сам Горский, как и Блок, не стремился отождествляться с голгофцами, что выразил в собственном письме Брехничеву, которое под заглавием «О кличках (Из братской переписки)» было помещено во втором номере «Нового вина»¹⁸. У молодого философа была своя собственная траектория, которая строилась на творческом синтезе идей Федорова, Достоевского, Соловьева, на христианстве, понятом активно и творчески. Исторический пессимизм и катастрофизм в духе К.Н. Леонтьева, равно как и пассивная, боязливая, спрятавшаяся за обрядовым частоколом вера христианского обывателя были ему не просто чужды: они казались злой насмешкой над Божьим замыслом того, кто вечно враждует с Христом. И в горьком, граничащем с презрением слове Блока, прозвучавшем в том же 1912 г.: «И так давно постыли люди, / Уныло ждущие Христа... / Лишь дьявола они находят... / Их лишь к отчаянью приводят / Извечно лгущие уста», он находил выражение собственных мыслей и чувств.

Внутренний диалог с Блоком Горский начал в стихах сборника «Глубоким утром» (М., 1913). Свою первую поэтическую книгу он готовил, уже перебравшись в Одессу, где получил место преподавателя духовной семинарии и гимназии. На десять лет судьба свяжет его с этим городом. В культурную жизнь Одессы он вливается быстро, становится членом литературно-художественного общества, выступает с докладами о русской литературе, принимает участие в поэтических вечерах. В журнале «Южный музыкальный вестник» в 1915–1916 гг. появляются его статьи, посвященные проблемам синтеза искусств. В 1918 г. он уже ведает отделом поэзии в журнале «Южный огонек» и создает в городе Религиозно-философское общество.

«А.К. Горностаев» – такой псевдоним избрал себе Горский – вошел в круг современников как философский критик и «поэт мысли», последователь державинско-тютчевско-соловьевской поэтической линии, продолжатель традиции философской лирики XIX столетия, обогащенной достижениями символистской поэзии. Символ Горский понимал религиозно – как врата в ту

¹⁸ А.К. [А.К. Горский]. О кличках (Из братской переписки) // Новое вино. 1913. № 2. С. 9–10.

сверхприродную, чаемую реальность, которая в перспективе времен должна охватить собой мир, преображая его в Царствие Божие. Чтобы это преображение состоялось, необходим первый пророческий шаг, и сделать его нужно поэзии. Свой собственный шаг Горский и делает в сборнике с говорящим названием «Глубоким утром», давая образ предрасветного чаяния, образ земли, готовой к встрече с Христом, Солнцем мира. Следуя вехам Новозаветной истории, он выстраивает словесно-образный ряд таким образом, что становится ясно: евангельские события – не далекое прошлое, они совершаются здесь и сейчас, воспроизводятся каждое мгновение человеческой жизни – и с ним, поэтом Горским, и с его современниками, и с миром, который, как и девятнадцать веков назад, ждет своего Спасителя и чаёт Слова Истины, обетования вечной, нескудеющей Жизни. Подобно Ф.М. Достоевскому, В.С. Соловьеву, С. Н. Булгакову, поэт и философ видит лучи софийности, пронизывающие бытие, тот образ Божий, что почил на творении, не оставляя его даже в послегрехопадном, смертном теченье времен, в природной красоте провидит красоту будущего преображенного мироздания:

<...> Глубоким утром – много мира
Струится с полусонных трав. <...>

<...> Глубоким утром – сдвинут камень
И сад цветами убелен.

Глубоким утром – небо ново,
Земля омыта и тиха,
Глубоким утром – все готово
Приять виденье Жениха.

Не только это программное стихотворение, выделенное из поэтического корпуса книги и вынесенное на отдельную страницу за титулом, пронизано блоковскими мотивами, образами, интонациями. След увлечения Блоком ощутим во многих текстах молодого поэта. Но если у Блока религиозные образы (Чаши, Причастия, Богоматери, Невесты Агнца...) зачастую выходят далеко за пределы евангельского канона, то Горский, в котором богословская закваска сидела крепко (все-таки он был сыном священника, хоть и пошедшим по иной дороге, – лишь внешне светской, на деле глубоко религиозной), берет эти образы в их изначальном, евангельском смысле, но стремится показать весь объем этого смысла, далеко не всегда внятный тем, кто считают себя христианами. Новый завет для мыслителя – пророче-

ство о преображении мира – в Царство Христово, которое отнюдь не отнесено в дали будущего, но творится здесь и сейчас.

Таким же пророчеством, по мысли Горского, должно стать и искусство. Он солидарен с Владимиром Соловьевым, видевшим назначение творчества в том, чтобы стать «переходом и связующим звеном между красотой природы и красотой будущей жизни»¹⁹. И, подобно Соловьеву, не ограничивает пределы искусства только предвещанием и пророчеством, выводя его к задаче «пресуществления» жизни, подчеркивая необходимость расширить символистскую теорию творчества, выдвигая лозунг: от созерцания «высшей реальности» к преображению жизни по законам этой реальности. «Символизм <...> не может и не должен довольствоваться единомыслием и одиночувствием, но хочет и требует единодействия»²⁰. Задача искусства, как и других областей человеческой практики, от политики и экономики до педагогики и медицины, не просто воспринять и нести благую весть о «новом небе и новой земле», но и в синергии с Творцом прямо содействовать ее воплощению.

В 1913 г. Горский в сотрудничестве с Брихничевым задумывает сборник памяти Федорова. Он хочет ввести учение «всеобщего дела» в контекст современности, представить в кругу проблем, волнующих его собратьев по поколению. А главное – бросить в мир прямой призыв к действию. Название сборнику – «Вселенское Дело» – дало блоковское стихотворение «Из городского тумана» (1903), где появляется символическая фигурка исхудалого ребенка (Христа), несущего в руках «стебель Вселенского дела» и призывающего на бой и молитву. Но если в финале стихотворения Блока призыв к действию рассеивается в пространстве без отклика и «слабый и хилый ребенок» в конце концов вынужден будет понять: «Невозможно!», то Горский не погашает, но подхватывает детский призыв, такой юродивый, такой нелепый для мира, привыкшего жить «в свое пузо». «Смертные всех стран, племен, народов, всех занятий, званий, состояний, всех верований, мнений, убеждений, – соединяйтесь!»²¹, – такой всеобъемлющий лозунг стремится вбросить он в современность вместо знаменитого лозунга Коммунистического манифеста о соединении пролетариев. В духе Федорова смещает акцент с «вопроса о богатстве

¹⁹ Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 398.

²⁰ Вместо предисловия // Горностаев А. [А.К. Горский]. Глубоким утром. М.: Н.И. Дорощева, 1913. С. X.

²¹ От редакции // Вселенское дело. Вып. 1. Одесса: Тип. Венске и Любек, 1914. С. VIII.

и бедности» (который разделяет людей на имущих и неимущих, на «имеющих миллион» и его не имеющих, а потому жаждущих отнять сей миллион у тех, кто имеет) на «вопрос о смерти и жизни», напоминающий о бытийном единстве рода людского, ибо смертны и Ротшильд, и последний бедняк, и монархист, и демократ, и русский, и немец, и француз, и китаец.

Сборник «Вселенское дело» стал для Горского своего рода публичным ответом Блоку, убежденному в том, что ныне нельзя делать «общее дело» «с кем бы то ни было», попыткой донести до поэта и его современников целостный, всеобъемлющий идеал – такой, которому, по словам героя Достоевского, хотелось бы «не выставлять языка»²². Однако судьба сборника оказалась плачевной. Насмешница история переиграла молодых энтузиастов, чаявших, что им удастся повернуть ее ход. Сборник вышел перед Первой мировой войной, и когда она разыгралась, типография, в которой печаталась книга, была закрыта властями (на беду ее владельцем оказался германский подданный). В результате тираж книги погиб, и лишь несколько десятков экземпляров, полученных из типографии и разосланных составителями тем, кому они успели эти книги послать, в сущности, увидели свет.

Призыв к единению в борьбе со смертью, «последним врагом» человека, прозвучавший в редакционном предисловии к «Вселенскому делу», остался гласом вопиющего в пустыне. Мир на несколько лет ввергся в кровавую мясорубку войны, дойдя до последнего предела розни, а затем восставшие рабочие и матросы, вдохновляемые большевистскими идеологами, вознесли на штыках и знаменах все тот же «вопрос о богатстве и бедности», утверждая его решение залогом свободы. Рознь, впрочем, от этого не уменьшилась. На первых страницах работы «Рай на земле», посвященной творчеству Достоевского, над которой Горский работал в 1918 г., когда власть в Одессе переходила из рук в руки: от большевиков к немцам, от немцам к Петлюре, от Петлюры к Антанте, философ, апеллируя к образам Достоевского, заговорил о «раскачке, какой мир еще не видал, чему не было примера в истории. Огромный, могучий народ, как ошалелый, бросается вниз головой, испытывая адское наслаждение собственной гибелью. Все и всё погибают. Язва растет и подвигается, как саранча. <...> Мы попали в роковой вихрь-круговорот безудержного самоотрицания и саморазрушения»²³.

22 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 120.

23 Горностаев А.К. [А.К. Горский]. Рай на земле: К идеологии творчества Ф.М. Достоевского. Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров. Харбин: б. и., 1929. С. 3 (Работа, изданная в Харбине в 1929 г. Н.А. Сетницким, была написана в 1918 г.).

Главный вопрос, который теперь занимает мыслителя: «Вокруг чего завился этот вихрь?»²⁴. Симптомом чего, какого процесса является сама революция? Ответ не заставляет себя ждать: русская революция – симптом болезненного, мучительного рождения «русской идеи». Народная душа «мечется», «мучится, и места себе не находит»²⁵. Революция и есть эта судорога боли, крик нестерпимой, чудовищной муки. И важно понять – каким будет исход.

Размышляя о муках явления в мир русской идеи, сопоставляя Россию с апокалипсическим образом «Жены, облеченной в Солнце», кричащей от «болеи и мук рождения» (Откр. 12, 2), Горский обращается к творчеству Блока. 9 ноября 1917 г., спустя две недели после октябрьского переворота, он делает в литературно-художественном обществе доклад «Красная тайна. Россия в поэзии Александра Блока». На совершающийся исторический сдвиг пытается взглянуть сквозь призму идей и образов Блока. Для Горского Блок-поэт – не только певец Прекрасной Дамы и «Незнакомки», как зачастую воспринимают его культурные обыватели. Это художник-мыслитель, напряженно размышляющий об истории, ее путях и распутиях, срывах и тупиках, ищущий путей к преодолению трагедии. Подобно Пушкину, он обладал объемным, всевещающим зрением, и в этом смысле неоконченная поэма «Возмездие» подобна пушкинскому «Онегину»: творческое сознание здесь обнимает огромные пласты бытия, жизни, истории, как власть имеющее вторгается в современность, рождает свое слово о времени, о двадцатом веке, вдвинувшемся в эпоху почти апокалипсических катастроф.

В «Воспоминаниях о Блоке», которые в 1923 г. будут печататься в журнале «Эпопея», Андрей Белый назовет Блока апокалиптиком. Горский об апокалиптичности Блока заговорил еще в 1917 г. До создания «Двенадцати», «Скифов», статьи «Интеллигенция и революция»... Рассматривая дореволюционную поэзию Блока, он показал, как врывается в нее тема всемирной катастрофы, как нарастает в блоковских циклах тревога, крепнет ощущение «кризиса любви», в котором «сокровенный корень общего кризиса жизни»²⁶. И заговорил о новом образе Родины, предстающей у Блока не матерью, не ветхой старушкой, но апокалипсической Невестой, говорящей «Приди» (Откр. 22, 17), уводящей «сквозь красный костер – в голубой простор», зовущей пройти «чрез испытание пожара», наследуя

24 Там же.

25 Там же.

26 Горностаев А.К. [А.К. Горский]. Красная тайна. Россия в поэзии Александра Блока // Южный огонек. 1918. № 16. С. 10.

«новую, небом просквозившую землю», создавая на ней новое искусство и «новые формы жизни»²⁷.

Смогут ли современники, пленившиеся идеалом дробным, ущербным, распознать эту ущербность и дробность, найдут ли в себе силы и мужество расслышать в «музыке революции» апокалипсическую тему преобразования, пробиться к подлинному образу будущего? Горский видит здесь сердцевину проблемы. Если это произойдет, то пути истории выправятся и революция окажется чем-то подобным горячке, в которую впала теща апостола Петра и которую Христос исцелил единым касанием.

Для самого Горского образ будущего был связан с манифестацией того идеала, который еще полвека назад вынашивал в каталожной Румянцевского музея «идеальный библиотекарь», «Московский Сократ» Н.Ф. Федоров. Именно Федоров с его идеей вселенского, а не только социального действия, с его утверждением человека как деятеля и соратника Творца, призванного к преобразению мира в Царство Христово, с его идеалом «братотворения», тесно связанного с «усыновлением», с любовью к отцам и Богу отцов, а не голого «товарищества» без «сыновства» и «отечества», по мысли Горского, полагает основания той «русской идеи», которой чревата Россия и которую она может и должна предложить всему миру.

Образ того, как народная душа оказывается подхваченной и захваченной революционными вихрями, как простой люд в своем стремлении к правде и жажде действия откликается на призыв покончить с буржуйской собственностью, как соблазняется вседозволенностью («Запирайте этажи, / Нынче будут грабежи»), как срывается в гнев и убийство, как стреляет – горячно, беспорядочно – в темноту, где притаился неведомый враг, не подозревая, что этот враг гнездится не вне, а внутри, спустя несколько месяцев после Октябрьского переворота был дан А.А. Блоком в поэме «Двенадцать». Как уже говорилось выше, 23 января 1919 г. на заседании Одесского литературно-художественного общества Горский делает доклад об этой поэме, дав ему символическое название «Крест над вьюгой». Поэму, которую многие современники Блока поспешили объявить апологией революции, он прочитывает как лирическую драму, главной темой которой является тема «подмены», «лжеидеала». Но эта «подмена» явлена Блоком отнюдь не в финальном образе Христа, идущего впереди шеренги красноармейцев, который, как утверждали спорившие о поэме, есть вовсе не образ Христа, но Антихриста, – нет, она явлена в сюжете убийства Катьки. В образе Катьки Горский

²⁷ Там же. С. 12.

видит сниженную, травестированную вариацию образа Прекрасной Дамы, Вечной Женственности, соловьевской «Подруги Вечной», подобно тому, как редуцирован этот образ в образе «картонной невесты» из «Балаганчика». Убитая Катька, «пададь на снегу» – такой же символ «крушения мечты о новой жизни», как «картонная кукла» наверху «белого катафалка» (образ, возникший в статье А.А. Блока «О современном состоянии русского символизма»²⁸). А вторым маркером темы подмены является приглашающий возглас, звучащий в многоголосии улицы: «Гуляй, ребята, без вина!», который сопоставляется Горским со словами лирической драмы «Король на площади»: «Во всем мире больше нет вина»²⁹. Это «больше нет вина» – синоним «богооставленности», недаром евангельский образ «нового вина» соотносится с темой преображения, с образом Царствия Божия.

Однако Блок, по мысли Горского, вовсе не выступает в «Двенадцати» апостолом отчаяния и безнадежности, подобно певцам «мировой скорби» XIX в. и их продолжателям-подражателям в Серебряном веке. Поэт-интеллигент ищет выхода, причем ищет его вместе со своими героями, символизирующими народное целое, с этими двенадцатью, которые составляют говорящее «апостольское число». Они плутают во тьме, не видя ни зги, они прислушиваются к шорохам и стреляют в темноту и пургу, не понимая, кто впереди них, но, *преследуя* Неведомого, тем самым невольно *следуют* за ним. Ведомые Христом, идущим впереди их шеренги, обретают возможность выйти на настоящие, а не подменные пути жизни. Это Савлы, которые в будущем могут стать Павлами.

Интерпретирует Горский и символический образ выюги, гуляющей по пространствам поэмы, как разгуливает она по пространствам лежащей в разлуке страны, по пространствам мира, скованного зимней стужей. Это образ стихии, находящейся вне истории, губящей равно правого и виноватого, бедного и богатого, как сгубила она в свое время города Лиссабон и Мессину, которые вспоминает Блок в программном стихотворении «Скифы». Перебрасывая мост от этого стихотворения к поэме «Двенадцать», философ напоминает упрек Блока людям культуры и цивилизации, интеллигентам, упражняющимся в любомудрии и изощренном плетении словес, в то время как подземная сила грозит обрушиться и обрушивается

²⁸ Блок А.А. О современном состоянии русского символизма // Аполлон. 1910. № 8. С. 24.

²⁹ Блок А.А. Лирические драмы: Балаганчик. Король на площади. Незнакомка. СПб.: Шиповник, 1908. С. 50.

на человеческий мир, сметая, как карточный домик, умные создания техники и инженерии, оставляя бесчисленные жертвы, сея смерть и страдание. Блоковскую статью «Стихия и культура», написанную по поводу землетрясения в Мессине 1909 г., Горский считает своеобразным ключом к «Двенадцати» и «Скифам». Вопрос о путях истории и формах социального действия заостряется философом в вопрос об отношении человека к природе. Человечество бессильно *«перед трусом, голодом и мятежом – и мразом, конечно, и хладом, и ветром – вообще перед стихией...»*³⁰. Может ли быть прочен «светлый пир труда и мира», когда над миром царствует вьюга? Способна ли революция, устраняющая социальную несправедливость, справиться с несправедливостью стихии, не знающей ни политических пристрастий, ни общественных иерархий, ни державных границ? Так ли неуязвимо строительство социальное, если по-прежнему правят свой бал стихия и смерть?

Заслугу Блока Горский видит в бесстрашном обнажении этих вопросов, в том, что поэт волей-неволей приводит имеющих очи и уши к выводу Федорова – о необходимости борьбы со стихией, о регуляции природы, которая должна быть таким же следствием революции, как и строительство экономики, политики, социальной жизни. И невольными глашатаями темы борьбы со стихией становятся в его поэме вот эти «двенадцать», символически представляющие за народ. Пусть они не формулируют эту идею сознательно, но в них действует «верный инстинкт». Самый жест выстрела в пургу – своего рода протест против хаоса, против «князя власти воздушной», и эти жестом они, сами того не подозревая, «сдаются Христу»³¹, обладающему подлинной властью над стихиями мира.

Публика, собравшаяся январским вечером 1919 г. на доклад Горского, услышала лишь первую его часть. Вторая, содержащая разбор финала поэмы, тогда так и не прозвучала. Озвучить ее Горский смог лишь в Москве куда переехал в 1922 г.³² В московскую жизнь он влился столь же стремительно, как десятилетием ранее в жизнь Одессы. И столь же неотступно сопровождал его образ поэта, годом ранее уже переступившего земную черту. На протяжении всей жизни Горский жалел, что ему так и не удалось встретиться

³⁰ Горский А.К. Крест над вьюгой (о «Двенадцати» А.А. Блока) // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого.

³¹ Там же.

³² Судя по материалам, сохранившимся в Московском архиве А.К. Горского и Н.А. Сетницкого, вторая часть статьи была использована Горским для составления доклада о Блоке, прочитанного в Москве в 1922–1923 гг.

с Блоком. Когда осенью 1923 г. в Москве возник блоковский кружок, он стал деятельным его участником, а после того, как кружок вошел в ГАХН, превратившись в Ассоциацию по изучению творчества Блока, выступал там с докладами, участвовал в прениях³³. Доклады о Блоке Горский в 1920-е гг. читал и на других площадках, московских и петербургских³⁴, и в одном из них, сохранившемся в архиве лишь в отдельных фрагментах, он вернулся к теме финала «Двенадцати». В отличие от доклада-статьи «Крест над выюгой», относящегося к 1919 г., когда Одесса находилась под властью «белых», в красной Москве Горский уже не мог открыто критиковать «дробный» идеал большевизма, однако делал это непрямо – призывая строящихся новый мир к расширению взгляда на революцию, к онтологической и космической точке зрения, меняющей всю перспективу вещей. Носителем такой точки зрения он и объявлял Блока, подчеркивая, что поэт «подстрекал искать космического ритма, космического сдвига в стихийных раскатах революции»³⁵.

Задачу расширить не только этический, но и онтологический масштаб социального действия Горский ставил не в одиночку. Его друзья, философы Н.А. Сетницкий и В.Н. Муравьев были одушевлены той же задачей. Муравьев еще в начале 1920 г., споря с Л.Д. Троцким, указывал на разность масштабов, которые задаются истории деятелями религиозно-философского ренессанса и идеологами большевизма, на то, что Третий Интернационал не что иное, как оскопленный, секуляризованный Третий Рим и необходим новый идеал теократии, в котором «мыслители» станут «деятелями» и деятели – «пророками-строителями по образцу вождей древности, полагавших основы древних культур и царств»³⁶. А Н.А. Сетницкий работал над созданием концепции идеала, согласно которой по-настоящему воплотим может быть только абсолютный, целостный идеал, идеалы же дробные, не дотягивающие до него по объему, по цели, по средствам, изначально обречены на провал³⁷.

³³ Согласно протоколам Ассоциации по изучению творчества Блока, Горский сделал два двухчастных доклада – «О цикле “Мэри”» (14 мая, 4 июня 1925) и «Блок и Гоголь» (24 и 31 марта 1927) // ГАРФ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 19. Л. 1, 39–43, 49–50; Ед. хр. 58. Л. 34–39.

³⁴ 31 мая 1927 г. в письме Н.А. Сетницкому Горский сообщил о докладе, прочитанном им в Ленинграде «в присутствии всех петербургских блокистов». Доклад, как следует из письма от 26 августа 1927 г., был посвящен, как и один из гахновских докладов Горского, теме «Блок и Гоголь» (Литературный архив Музея национальной письменности. Ф. 142. Fedoroviana Pragensia. I.3.27).

³⁵ Горский А.К. [Фрагменты доклада 1922–1923 гг. о «Двенадцати» А.А. Блока] // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого.

³⁶ Муравьев В.Н. Сочинения: В 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 351.

³⁷ Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов. Вып. 1. Н.А. Сетницкий. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 160–182.

Средоточием *совершенного* действия Горский полагал фигуру Христа. Христос – для него Кормчий истории и Центробраз искусства: «Только им измерит себя до конца человек»³⁸. Мысленно ставя перед собой этот образ, Горский в 1920-е гг. пишет цикл апокалиптических поэм, выдвигая в центр образы «тысячелетнего Царства Христова», «нового неба и новой земли», философский трактат «Огромный очерк», в котором развивает идеи «Смысла любви» Владимира Соловьева, и богословский трактат «Смертобожничество» (совместно с Н.А. Сетницким). Завершает работу «Н.Ф. Федоров и современность» и задумывает большую книгу о Л.Н. Толстом. А когда в 1929 г. его арестовывают и отправляют в лагерь на Медвежьей горе, ставший с началом репрессий, по выражению А.А. Мейера, «столицей русской интеллигенции»³⁹, то и там, несмотря на обстоятельства, он демонстрирует абсолютную внутреннюю свободу. Как вспоминал историк Н.П. Анциферов, сидя на нарах, Горский уговаривал его «произвести работу духа»⁴⁰ и сам сохранял в сердце ясную радость. Принципом действия в условиях жесткого государственного прессинга стала формула, впервые прозвучавшая в разборе «Двенадцати» Блока: «Преследуют, значит научатся следовать».

Именно в лагере поэт и философ начал работу над поэмами на евангельские сюжеты «Двое» и «Ночь Никодима», памятуя свой собственный тезис: «Всякий художник вынуждается ныне силою вещей стать *Евангелистом*»⁴¹. А когда пришло освобождение и в конце 1930-х он поселился в Калуге, блоковская тема снова придвинулась к нему вплотную, тем более что на 1940 г. падал шестидесятилетний юбилей со дня рождения Блока.

Очередным текстом, упокоившимся «в могиле стола», стала статья к 60-летию автора «Скифов». Заявляя, что «Блок считал себя обязанным стоять на ветру времен, у окна в будущее»⁴², что он в полном смысле слова «наш современник», Горский, опираясь на образы поэта-символиста, пытался расширить мировоззренческий и духовный охват «поколения строителей социализма». Он честно старался придать статье «благонамеренный» вид, однако религиозно-философские «концы» спрятать не получилось и до печати статья не дошла.

³⁸ Горский А.К. Организация мировоздействия // Горский А.К., Сетницкий Н.А. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 183.

³⁹ Это высказывание А.А. Мейера приводит в своих мемуарах Н.П. Анциферов (Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 386.

⁴⁰ Там же. С. 378.

⁴¹ Горский А.К. Организация мировоздействия. С. 183.

⁴² Горский А.К. А.А. Блок. К 60-летию со дня рождения // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого.

Развитие блоковской темы ушло в тексты писем, адресованных «Оле и Кате», О.Н. Сетницкой и Е.А. Крашенинниковой. А еще в «Песни без недомолвок» – оригинальный поэтический цикл, в котором Горский «дописывал» стихотворения русских классиков, то внутренне полемизируя с ними, то «проращивая» зерна заложенных ими смыслов, то достраивая фундаменты начатых зданий⁴³.

«Жизнь без начала и конца. / Нас всех подстерегает случай». Горский не раз цитировал начало блоковской поэмы «Возмездие», привлекая внимание к следующим далее строчкам: «Но ты, художник, твердо веруй / В начала и концы...», видя в них апологию творчества, которое собирает мир, одновременно просветляя его. Однако в 1943 г. подстерегающий случай настиг и автора статьи «Крест над вьюгой». Новый арест, а затем смерть от голода в тюремной больнице оборвали полет творческой мысли Горского. «Могила стола» обернулась могильной насыпью на Тульском городском кладбище, над которой супруга философа, певица М.Я. Монзалева, Мэри, образ которой Горский внутренне соотносил с героиней одноименного цикла Блока, «пела воскресительные романсы»⁴⁴.

Статья «Крест над вьюгой» печатается по рукописи, хранящейся в Московском архиве А.К. Горского и Н.А. Сетницкого. Рукопись и некоторые материалы к ней хранятся в папке, сделанной из тетрадной обложки, на которой красно-синей ручкой выведено заглавие: «Крест над вьюгой (О «Двенадцати» А. Блока). Листы, на которых писался текст, разнородны. На первом листе в левом верхнем углу рядом с заглавием обозначено количество страниц: «58 стр.», однако сама рукопись не пронумерована. Первая часть доклада представляет собой черновую рукопись, вторая часть сохранилась в черновике и части беловика. Ряд страниц в оригинале отсутствуют. Часть из них была обнаружена в папке «Блок 1940», содержащей материалы к статье о Блоке 1940 г., а часть обнаружить не удалось.

Подчеркнуто «блоковское» название статьи опирается на фрагмент статьи Блока «Искусство и газеты», где говорится о «видении Креста» «над стихией», возникающем в момент бури. Именно этот образ, появившийся у Блока за 6 лет для создания

⁴³ Комическое как врата вечного»: А.К. Горский. Песни без недомолвок / Вступ. ст., подгот. текста, публ., примеч. А.Г. Гачевой // Комическое в русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 418–498.

⁴⁴ Из рассказа О.И. Святловской (запись А.Г. Гачевой. Ноябрь 2008).

«Двенадцати», Горский считает ключом к поэме. Другая аллюзия, которую порождает название, – заглавие лирической драмы «Роза и Крест» и содержащийся в ней фрагмент «Крест горит над вьюгой», который цитируется в статье. Также источником образа стало знаменитое издание «Двенадцати» с рисунками Ю. Анненкова, вышедшее в 1918 г. в издательстве «Алконост». В финале поэмы под последними строками, где возникает «видение Христа», Анненков помещает абрис креста, в линиях которого угадывается фигура идущего человека.

Как уже было сказано, вторая часть статьи позднее была использована Горским в докладе о Блоке, с которым он выступил в 1922–1923 г. в Москве. Об этом свидетельствует правка на рукописи, сделанная черными и зелеными чернилами. Правка акцентирует тему регуляции природы, управления погодой, актуализированную неурожаем и голодом 1920–1922 гг. Кроме того, финал рукописи, сохранившейся в архиве Горского, также, по всей вероятности, относится не к 1919, а ко времени подготовки московского доклада.

При публикации частично сохранены особенности орфографии и пунктуации подлинника.

Александр Горский

КРЕСТ НАД ВЫЮГОЙ (О «Двенадцати» А. Блока)

I

Все «читатели резко делятся на два лагеря: на бегущих от лирики и проклинающих ее – и на заколдованных лирикой» – вот что давно подметил автор «Двенадцати» (еще в предисловии к первому изданию «Лирических драм»)¹. Думается, что и теперь в отношении читателей к новым, неслыханным по силе лиризма созданиям величайшего лирического поэта наших дней резко обозначились те же два лагеря: не политических, конечно, даже не эстетических, но *психологических*. Любопытно и то, что *психология* первых, *бегущих* и *проклинающих*, имеет за собой свое какое-то оправдание, да и не так уж, в сущности, она далека от настроения вторых, которые, м<ожет> б<ыть>, и рады были бы бежать и проклясть – да некуда, да поздно... они... *заколдованы*.

А сам поэт, судорожно восклицаящий:

Молчите, проклятые книги,
Я вас не писал никогда...²

он, не знающий куда скрыться от вызванного им «страшного мира», он, кидающий головные и горькие упреки – музе:

И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого аи,
И любви цыганской короче
Были страшные ласки твои...³

о – трудно иногда сказать, в котором лагере он сам...

Песни будит уснувшую бурю – лирические волны упираются в шевелящийся *хаос*⁴. Имя этому *хаосу* – *бескрылое желанье* – самое страшное, проклятое состояние души – и разве наконец не вправе сколько-нибудь благоразумные читатели сказать о каждом лирике поэте то же, что Сальери о Моцарте:

¹ Блок А.А. Предисловие // Блок А.А. Лирические драмы: Балаганчик. Король на площади. Незнакомка. СПб.: Шиповник, 1908. С. 10.

² Финал стихотворения Блока «Друзьям» (1908).

³ Цитата из стихотворения Блока «К Музе» (1912).

⁴ Реминисценция на стихотворение Ф.И. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?» (1836). Ср.: «О, бурь уснувших не буди, / Под ними хаос шевелится».

Что пользы в нем! Как некий херувим
Он *несколько* занес к нам песен райских,
Чтоб возбуждив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, – после улететь⁵,

И разве может поэтому хоть один искренний и глубокий лирик на минуту отделаться от острого, падкого чувства вины пред теми, кому звучит его песнь, – вины и обязанности. Он ежечасно тревожно ждет, что ему скажут:

«Ты разбудил в нас *желание*, так дай же ему *крылья*; ты дал осязать в волнах своих мелодии, ослепляющее видение (вызвал)

День беззакатный и жгучий
И любимый, родимый свой край,
Синий, синий, певучий, певучий,
Неподвижно блаженный, как рай⁶.

Так укажи же *пути* в этот рай, пути ясные, для всех доступные». И Блок издавна смиренно сознает (что долго еще):

Надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути⁷.

И как заметно растет у него это сознание. В [1]908 году в упомянутом предисловии к лирическим драмам Блок еще пытается как-то (очень неумело) замести след, как-то скрыть (от себя или от читателей?) истинное положение дела.

«Лирика, – заявляет он там, – не принадлежит к тем областям художественного творчества, которые *учат жизни*. В лирике закрепляются переживания души, в наше время, по необходимости, – уединенной. Переживания эти обыкновенно сложны – хаотичны... Самое большее, что может сделать лирика, – это обогатить душу и усложнить переживания; она даже далеко не всегда обостряет их, иногда наоборот притупляет, загромождая душу невообразимым хаосом и сложностью...

Между тем всякий читатель, особенно русский, всегда ждал и ждет от литературы – указания жизненного пути?!...»⁸

⁵ Цитата из «маленькой трагедии» А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери» (1830).

⁶ Цитата из стихотворения Блока «Ты – как отблеск забытого гимна...» (1914).

⁷ Финал стихотворения Блока «Балаган» (1906).

⁸ Блок А.А. Предисловие. С. 9, 10. Цитируя, Горский комбинирует фрагменты из начала и середины текста.

И поэт *уклоняется* от ответа на вопрос – можно ли, нужно ли связывать – эти две вещи – лирику – и жизненный путь – строительство жизни...

А вот теперь – 10 лет спустя – что пишет Блок в предисловии к своим поэмам 1918 года?.. Какая задача теперь его увлекает?

– «Что задумано?» – спрашивает он и отвечает:

«Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым, чтобы лживая, скучная, грязная, безобразная жизнь наша стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью»⁹.

Вот чему служит лирика.

Она не учит жизни – да? Она делает большее: она *строит* жизнь...

Не создать лишь несколько райских песен она должна – а переделать все – весь ад окружающей жизни превратить в рай.

Да, хочет или не хочет певец – вернее – сознает или не вполне, или совсем не сознает, *чего* ему хочется, но это так: всякая лирическая песнь уже есть бессознательный (или полусознанный) *проект* – преображения – безобразной жизни в прекрасную, лирическая тема – это зерно какого-то творческого *плана*, какого-то общего, хорового, литургического, перестраивающего всю жизнь *действия*.

Вот почему, когда Блок порывается к переустройству жизни, то этим самым он – ничуть не изменяет своей глубинной природе, своему долгу – лирика; наоборот, до конца последовательно его проводит. Певец хочет стать Орфеем, зиждителем Жизни – он мог бы теперь сказать о себе словами Баратынского:

И поэтического мира
Огромный очерк я узрел –
И жизни даровать, о лира,
Твое согласие захотел¹⁰.

Тут важно сразу разъяснить одно курьезное недоразумение, в которое вечно впадали и впадают многие, размышляя об отношении искусства к жизни¹¹. Жизнь? Строительство жизни? А, понимаем! – слышны голоса, сочувственные или насмешливые – все равно. – Ну да, это значит, в поэзию, в лирику должна врываться так называемая

⁹ Цитата из статьи А. Блока «Интеллигенция и революция» (1918): Блок А.А. Россия и интеллигенция (1907–1918). М., 1918. С. 34.

¹⁰ Финал стихотворения Е.А. Баратынского «В дни безграничных увлечений...» (1831).

¹¹ Далее зачеркнуто: «(впал, например, Мережковский в своей полемике с Блоком по этому как раз поводу несколько лет назад)».

«политика», так называемая «общественность» – ну вот все то, что наполняет газету. Жизнезигждительная лирика – это – очевидно! – лирика политическая – ну, патриотическая – ну, гражданская, ну, там революционная, рекламная, наконец!.. Вот и надо раз навсегда успокоить. Нет, нет – совсем не о том речь. Почему? Да именно потому, что как раз политика – все, что *теперь* зовется этим именем, – никакого отношения к строительству жизни не имеет. Или, точнее сказать, она в мирном течении или бурном кружении жизненных стихий – играет точно такую же роль, как муха, *сидящая* на рогах, – ну, не только сидящая, а иногда очень жужжащая, хлопочущая, суетящаяся возле рогов пашущего вола или взбесившегося быка.

Именно так всегда ощущал это Блок. Вот что некогда писал он в газетной статье, так и озаглавленной «Искусство и газета»:

«Искусство не имеет ничего общего с политикой, даже не враждует с ней, потому что миры искусства, до сей поры никогда в мире вполне не воплощавшиеся, относятся к политике приблизительно так же, как море относится к кораблю. Говорю, конечно, не о содержательном отношении, и указываю только масштабы.

По морю плывет рыбац в Исландию или “Титаник” в Америку – все равно. Это маленькая цивилизация, в которую вкраплены, как всегда, бриллианты великих культур. Поднимается буря или встречается ледяная гора, – это неизвестная стихия, *подобная* стихии искусства, до сих пор не исследованная даже мировыми гениями, которые – даже величайшие из них – были несовершенными сравнительно “инструментами Божества”, не могли, отвлеченные, как все люди, заботами, услышать *весь* голос стихий.

В минуту бури или столкновения с ледяной горой над морем – над стихией возникает *видение Креста*, как в бретонских легендах. Это – религия, которая исполняет предчувствием и мирит со стихией»¹².

«Поэты, – говорил Гоголь, – берутся не откуда-нибудь из-за моря, но исходят из своего же народа. Это огни, из него же излетевшие, передовые вестники сил его.

Они разнесли *благозвучие* по русской земле. Благозвучие не такое пустое дело, как думают те, которые не знакомы с поэзией. Под благозвучие как под колыбельную песню убаюкивается народ-младенец еще прежде нежели может входить в значение слов самой пес-

¹² Статья Блока «Искусство и газета», которую цитирует Горский, впервые была напечатана в газете «Русская молва» 9 декабря 1912 г.

ни, и нечувствительно сами собой стихают и умиряются его дикие страсти»¹³.

И сейчас звенит эта песня – нежно сопровождающая первые шаги, дикие, страстные, разбойные шаги просыпающегося народа младенца. Все одна и та же, все одна и та же загадочная, волшебная, за сердце хватающая песня:

Ревет ураган,
Поет океан –
Кружится снег,
Мчится мгновенный век,
Снится блаженный брег!

Сдайся мечте невозможной,
Сбудется что суждено!
Сердцу закон непреложный
Радость – страданье – одно!

Что ж эта песня значит?

Объясни мне:

Как радостью страданье может стать, –
Ты знаешь песню... Что сказать мне больше?
Мне... *брезжит смысл* – но ум простой и темный
Всей светлой глубины постичь не может...¹⁴

Радостью страданье *может* стать? Обставший нас кошмар и позор претвориться *может* в счастье и в гордую славу?

Это кажется выше всякого разума. Но очевидно – это так, раз *могла* возникнуть такая песня – и нам, околдованным, убаюканным, умирным ее *благозвучием*, – предстоит еще войти в значение слов самой песни – взглянуться в брезжущий смысл ее, в светлую глубину мерцающего за ней проекта преображения жизни; и вовремя сделать это, чтобы не быть смертельно укушенным, ужаленным страшным змием, разбухенным хаосом бескрылого желанья.

12 хулиганов убивают проститутку, затем предаются погромам и грабежу частной собственности – и наконец в остервененном испуге стреляют во все стороны в пустоту, в воздух – вот скелет

¹³ Цитата из главы «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» «Выбранных мест из переписки с друзьями» (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 8. Статьи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1852. С. 407). Цитата дана с небольшими неточностями и пропусками, не обозначенными отточиями.

¹⁴ Все цитаты – из лирической драмы Блока «Роза и крест» (1912). Первые два четверостишия – песня Гаэтана, последняя цитата – диалог Гаэтана и Бертрана.

сюжета песни. О чем тут петь и чему радоваться? И какой мыслим смысл в этом апофеозе бессмыслицы?

Попробуем все-таки разобраться в этой лирической драме.

Сперва остановимся на нескольких положениях, о которых, собственно, и говорить бы не стоило – до того они в сущности ясны – и однако ж еще почти не принятых в толк ни критикой, ни публикой.

Начать с того, что «Двенадцать» есть лирическая драма – с драматическим движением, с нарастанием действия, а вовсе не ряд отрывочных сценок из быта красногвардейцев, как почти все почему-то ухитрились ее воспринять.

Ведь красногвардейцы 3-ей, положим, строфы, не тождественны с героями 8-й, не говоря уж о 11 и 12-ой. Разве Макбета до убийства, им совершенного, Лира до изгнания его дочерьми можно смешивать с Макбетом и Лиром последних актов?

Попробуем начертить общую схему этой лирической драмы.

Двенадцать! Число символическое, и история двенадцати – это история символическая. История *одного*, которая будет историей – многих... всех. Это – прежде всего! – история самого поэта-символиста, не однажды им рассказанная в стихах и в прозе.

Вот ее основные моменты:

Первый акт, отправной пункт – *теза* – она так характеризуется, напр<имер>, в статье «О современном состоянии русского символизма» («Аполлон», 1910 г.): «“Ты свободен в этом волшебном и полном соответствий мире” (“Свобода – свобода – эх-эх, без креста!”)¹⁵. Твори, что хочешь, ибо этот мир принадлежит тебе... Это первая юность, детская новизна первых открытий.

Здесь никто еще не знает – в каком мире находится другой, не знает этого и о самом себе – все только *перемигиваются* – согласные в том, что существует *раскол* – между этим миром и мирами иными¹⁶ – дружные силы идут на борьбу за эти иные, еще не известные миры».

Господствующая *нота* здесь – радостное *ожидание* чего-то большого, мирового, какого-то переворота, изменения всей жизни, прихода каких-то «больших кораблей».

«Нечаянная радость – это мой образ грядущего мира...»

Все мы потечем на мол, где зажглись сигнальные огни...

¹⁵ Цитируя статью Блока «О современном состоянии русского символизма», Горский вставляет в скобках в качестве параллели цитату из поэмы «Двенадцать», передающую выкрики красноармейцев.

¹⁶ Зачеркнутая полемическая вставка Горского: «А что, если нет раскола?»

Новой радостью загорятся сердца народов, когда за узким мысом
появятся большие корабли» (пишет Блок в предисловии к «Нечаян-
ной радости»)¹⁷.

Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо.
Весь горизонт в огне – и близко появление.

Воздух полон вздыханий
Грозových надежд –
Весь горит от несмыканий
Воспаленных вежд

и т.д.

Голос и дерзок, и тонок, замысел – детски высок.

Мы на горе всем буржуям мировой пожар – раздуем – мировой
пожар в крови, Господи благослови!¹⁸

Старый мир обречен – он погибнет на горе его любителям
и приверженцам = жалким, презренным мещанам – на смену ему
грядет новый мир – свободы и счастья, его предтечи и борцы – чув-
ствуют за собой силу – как их ни мало – они не одиноки, они «в
лазури чьего-то лучезарного взора»¹⁹, с ними обольстительная греза
грядущего мира, нечаянная радость, богиня, мечта, муза... Некое ту-
манное, женственное видение – знак и средоточие всего ожидаемо-
го, символ прекрасной новой жизни. Ее огневые очи²⁰ – сокровенный
источник их бедовой удали, зажигающей мировой пожар... но

Тут свершается нечто катастрофическое –
Акт второй – антитеза:

туго натянутая струна трепетных ожиданий и грозových надежд
с треском лопается – лирическая волна разрывается и разбивает-
ся – о подводную скалу – или, согласно описанию Блока в названной

¹⁷ Блок А.А. Нечаянная Радость: Второй сборник стихов. М., 1907. С. 1, 2. Горский приводит начальные и финальные строки предисловия.

¹⁸ *Весь горизонт ∞ появление* – из стихотворения «Предчувствую Тебя» (1901), *Воздух полон ∞ вежд* – из стихотворения «Молитва» (1904), *Голос ∞ высок* – цитата из стихотворения «А.М. Добролюбов» (1903), *Мы на горе ∞ благослови!* – слова красноармейцев из поэмы «Двенадцать».

¹⁹ Цитата из статьи Блока «О современном состоянии русского символизма» (Аполлон. 1910. № 8. С. 22).

²⁰ *Огневые очи* – черта образа Катьки в поэме «Двенадцать», как он является в памяти убившего ее солдата: «Из-за удали бедовой / В огневых ее очах <...> Погубил я бестолковый, / Погубил я сгоряча». Образ Катьки рассматривается Горским как одна из ипостасей образа Вечной Женственности в лирике Блока.

статье о символизме, «как бы ревнуя одинокого теурга к Заревой ясности, некто внезапно пересекает золотую нить зацветающих чудес... как бы сквозь прорванную плотину врывается мировой сумрак при раздирающем аккомпанементе скрипок и напевов, подобных цыганским»²¹.

Опять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач.
Стой! Стой! Андрюха, помогай,
Петруха, сзади забегай!
Трах – тарарах – тарак – тах-тах!
Вскрутился к небу снежный прах²².

И свила серебристая вьюга
Им венчальный перстень-кольцо,
И я видел – сквозь ночь подруга
Улыбнулась ему в лицо.

(Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом).

Ах, тогда в извозчичьи сани
Он подругу мою усадил,
Я бродил в морозном тумане.
Издали за ними следил.

Ах, сетями ее он опутал
И, смеясь, звенел бубенцом,
Но когда ее он закутал,
Ах, подруга свалилась ничком!

Он ее ничем не обидел,
Но подруга упала в снег.
Не могла удержаться сидя!

²¹ Цитата из статьи «О современном состоянии русского символизма» (Аполлон. 1910. № 8. С. 24).

²² Далее зачеркнут фрагмент:
«Самостоятельно разработать:
Вот раздирающий аккомпанемент. Смысл его.
Трах та-рарах. Ты будешь знать,
Как с девушкой чужой гулять!
Она *чужая* сначала, непостижная, незнакомая – и далее о снежной маске, всюду, где слово *чужой*... Она жжет меня... черная ревность...»

А встать она уж никак не могла.
Она *картонной невестой* была...²³

Или вот еще так:

«Если бы я писал картину, я изобразил бы переживания этого момента так: в лиловом сумраке необъятного мира качается огромный белый катафалк, а на нем лежит... мертвая кукла с лицом, смутно напоминающим то, которое сквозило среди небесных роз»²⁴.

А Катька где? Мертва-мертва!
Простреленная голова!
Что, Катька, рада? Ни гу-гу.
Лежи ты, *падаль*, на снегу!

Кажется, совпадение неоспоримое, полнейшее, до мельчайших деталей – вплоть до саней с электрическим фонариком – до вскрытого к небу снежного праха (тема целой книги «Снежная ночь»²⁵).

Картонная кукла – мертвая возлюбленная, – падаль – на снегу белого катафалка – так символизируется крушение мечты о новой жизни...

Сейчас уместно лишь в самых кратких чертах остановиться на причине этого крушения.

Нельзя проще и энергичней *определить эту* причину, чем это сделал когда-то сам Блок в уже не раз упомянутом предисловии к лирическим драмам:

«Переживающий это, уже не один: он полон многих демонов (иначе называемых двойниками), из которых его злая творческая воля создает по произволу постоянно меняющиеся группы заговорщиков. В каждый момент он скрывает при помощи таких заговоров какую-либо часть души от себя самого. Благодаря этой сети обманов он умеет сделать своим орудием каждого из демонов, связать контрактом каждого из двойников – все они *рыщут* в лиловых мирах и покорные его воле, *добывают ему лучшие драгоценности* – все чего он пожелает, – один принесет тучку, другой вздох моря, тре-

²³ Горский сопоставляет строки из поэмы «Двенадцать» (*Опять навстречу ∞ снежный прах; Запрокинулась ∞жемчугом*) и лирической драмы «Балаганчик» (1906).

²⁴ Цитата из статьи Блока «О современном состоянии русского символизма» (Аполлон. 1910. № 8. С. 24).

²⁵ Блок А.А. Собрание стихотворений. Кн. 3. Снежная ночь (1910–1911). М.: Мусaget, 1912.

тий – аметист, четвертый – священного скарабея, крылатый глаз... и т.д.»²⁶

Дружная шла борьба за *новые* миры, дружное отречение от *старого* мира; но вот *старый* мир побежден. Иссиякла (или иссякает) сила его сопротивления – как пес голодный и безродный покорно плетется он вслед искателей нового мира – но увы! *Их* мечта в их душах померкла! Она – картонное чучело, падаль на снегу, – бороться стало не с кем и не для чего; а между тем силы, накопленные для борьбы, для дела какого-то, предполагалось – мирового, великого, вселенского дела во имя былой мечты – *остались*, надо их куда-то разрядить – и тогда место мнимого дела заступает откровенная *забава*, веселое времяпрепровождение.

Позабавиться не грех!
Уж я времячко проведу, проведу²⁷.

Так было в поэзии, символизме – так стало в революции – так будет везде, во всех сферах жизни, где еще сегодня пока строгая, сосредоточенная серьезность, а с утра – все будет балаганом.

Одним словом:

Эх-эх!
Позабавиться не грех!
Запирайте этажи
Нынче будут грабежи –
Отмыкайте погреба
Гуляет нынче гольтьба...

Гуляют – демоны двойники без креста с сигарками в зубах, с примятыми картузами, гуляют, рыщут в снежном сумраке, добывают ценности, грабят, что попадется под руку.

Важное некогда, святое, священное, во имя высшей святости предпринятое дело (мировой пожар в крови – Господи, благослови) обратилось теперь в забаву, в развлечение, причем свобода былая и вседозволенность весьма пригодились тоже: благодаря ей выбор и характер развлечения – ничем не ограничен.

Таков – третий момент, но за ним идет четвертый: где воцаряется забава – там за нею следует неразлучная спутница, ее вечная черная тень и казнь – скука – смертная скука... Люди дела со скукой незна-

²⁶ Цитата из статьи Блока «О современном состоянии русского символизма» (Аполлон. 1910. № 8. С. 24).

²⁷ Здесь и ниже – цитаты из поэмы «Двенадцать».

комы: у людей забавы она всегда неотвязная гостья – «страшней, чем горе, эта скука»²⁸.

Раньше донимало их горе-горькое = нужда – напр<имер>, «равное пальтишко, австрийское ружье»! Теперь не то... награть могли вдоволь и шуб бобровых и новых винтовок, так что горя, пожалуй, в прежнем смысле и нет – но зато скука! скука! скука!

Все это не ново для знающих Блока, вспомним хоть, как после падения подруги в снег к бедному Пьеро (даже имя осталось без перемены: там Пьеро – здесь Петруха – Петька) – к Пьеро, лишенному вдохновительной мечты – невесты – пристаёт неотвязный двойник-забавник – Арлекин, внушающий ему, что «позабавиться не грех» – авось это развлечет, рассеет...

И всю ночь по улицам снежным
Мы брели – Арлекин и Пьеро –
Он прижался ко мне так нежно,
Щекотало млечность перо.
Он шептал мне: «Брат мой, мы вместе,
Неразлучны по много дней –
Погрустим с тобой о невесте,
О картонной невесте твоей!»²⁹

Забавно жить! Забавно знать, что под луной ничто не ново!

Но все это в конце концов не утешает и не устраивает. Еще ночью кое-как можно себя обманывать, но едва «рассвет мне в очи глянул, Наступил мой скудный день»³⁰ и тогда оказалось, что

Лицо *дневное* Арлекина
Еще *бледней*, чем лик Пьеро³¹–

а уж о Пьеро говорить нечего – на несчастном убийце своей мечты «не видать совсем лица»³².

Дело завершается тем, что на рассвете Арлекин, надеясь всецело приобщиться полноте жизни, прыгает в окно:

даль в окне оказывается бумажной, нарисованной декорацией, он прорывает бумагу и – летит вверх ногами в *пустоту*...³³

²⁸ Цитата из стихотворения Д.С. Мережковского «Скука».

²⁹ Цитата из лирической драмы «Балаганчик».

³⁰ Цитата из стихотворения Блока «Как свершилось, как случилось?» (1912).

³¹ Цитата из стихотворения Блока «Балаган» (1906).

³² Цитата из поэмы «Двенадцать», передающая состояние Петьки после убийства.

³³ Горский пересказывает авторскую ремарку из драмы «Балаганчик» (см.: Блок А.А. Лирические драмы: Балаганчик. Король на площади. Незнакомка. С. 35).

Значит забава только отсрочила, но не изменила положения вещей – она лишь резко подчеркнула *смертную* скуку опустошенной жизни.

Поддержи свою осанку! Великолепный совет. Чем только ее под-
держать – вот вопрос.

В том же докладе Блока о символизме говорится:

«Нам предлагают: пой, веселись и призывай к жизни, а у нас лица обожжены и обезображены лиловым сумраком...»

Не таюсь я перед вами,
Посмотрите на меня.
Я стою среди пожарищ
Обожженный языками
Преисподнего огня.
(И пустыней бесполезной
Душу бедную обстала
Прежде милая мне даль)...

Спалена моя степь – трава свалена,
Ни огня, ни звезды, ни пути...

Если вспомню, лишь вихрь налетит,
Лишь рубин раскаленный из пепла
Мой обугленный лик опалит!³⁴

И т.д.

Вот таковы результаты.

Помрачение грезы о новом мире, символизируемое падением подруги ничком, обращением видения с огневыми очами – *в падаль*...

Крушение мечты о новой жизни, мечты, сначала – искаженной, суженной больным и дурацким воображением – а затем за это искажение отвергнутой, убитой и выброшенной из мчащихся саней... Это случается или случится со всеми, кто мечтает о светлом грядущем, – с утонченным художником-символистом, равно и с грубыми ребятами красногвардейцами, ибо воображение у всех больное одной и той же повальной болезнью.

Разница лишь та, что наш поэт ощутил и предугадал катастрофу давно, раньше всех, тогда еще, когда вся и все было полно смутных сладких надежд на приближающееся всеобщее обновление, оживление, – он все высчитал, взвесил и... *понял*.

³⁴ *Я стою ∞ мне даль* – цитаты из стихотворения «Как свершилось, как случилось?»; *Спалена ∞ ни пути...* – из стихотворения «Опустись, занавеска линиялая...» (1908); *Если вспомню ∞ опалит* – из стихотворения «Посещение» (1910).

Еще никто не взошел на лестницу,
 А уж слышали счет ступень.
 И везде проснулись – кричали, ожидая вестницу.
 Думали: за утром – наступит день...

Выше всех кричащих и всклоченных
 Под крышей медленно загорелось окно.
 Там – кто-то – на счетах позолоченных
 Сосчитал, *что* никому не дано...

И понял, что будет темно.

И когда вам мерцает обманчивый свет,
 Знайте – вновь он совется во тьму
 Беззакатного дня легковвернее нет.
 Я ночного плаща не сниму³⁵.

В драме «Король на площади» несколько лиц ведут ночью такие разговоры:

Первый

Скажи мне последнее:
 Верить ли ты, что разрушение
 Освободительно?

Второй

Не верю. Не верю.

Первый

Спасибо. И я не верю.

Третий

Я верю только пустоте.

Второй

Я бы поднял кубок
 Во имя пустоты, если бы здесь было вино.

Третий

Во всем мире больше нет вина.
 Молчат.

Вот что значит:
 Гуляй ребята *без вина*.

³⁵ *Еще никто ∞ будет темно* – из стихотворения «Я смотрел на слепое людское строение...» (1902); *И когда ∞ не сниму* – из стихотворения «Не венчал мою голову траурный лавр...» (1909).

Гулянье без вина, мечтанье без радости, без вдохновения, по привычке, по инерции – так сейчас еще все мечтают и говорят о новой жизни, новом мире, долженствующим якобы сам собою явиться в результате пережитых трагических катастроф; жалкие мечты, жалкий остаток дней, когда все еще в воображеньи гуляло и порхало.

Гуляет ветер, порхает снег,
Идут двенадцать человек.

А теперь от дней свободы остался лишь кровавый отсвет на обугленных лицах, а в сердцах, восторженных когда-то, роковая пустота³⁶ – и даже в честь этой пустоты нечем наполнить кубок.

Таков крах революции, внутренний, духовный – мнимое *дело* революции провалилось сначала в арлекинаду забав – в разгул удалого разбоя, – а затем вместе с этой арлекинадой и разгулом рухнуло в смертную скуку, в пустоту отчаяния...

Есть у Блока одно стихотворение, напечатанное впервые за год с лишним до февральской революции, в конце 1915 года. Стихотворение, как все бредовые вещания его музы, – насквозь пророческое; оно дословно, до мельчайших подробностей живописует настоящий момент его личной и нашей общей истории – и сам поэт видимо хорошо это понимает и именно так его принимает; иначе не истолкуешь его жест – отдать теперь вторично это стихотворение для напечатания лево-эсеровскому журнальчику «Знамя труда»³⁷.

Стихотворение столь знаменательно для Блока и для «Знамени труда» и для всего, что сейчас зовется Совдепией, что прочту его целиком.

Оно озаглавлено:

Забывшие Тебя

И час настал. Свой плащ скрутило время
И меч блеснул, и стены разошлись...
И я пошел с толпой – туда за всеми
В холодную и злую высь.
За кручами опять открылись кручи,
Народ роптал, вожди лишились сил,
Навстречу Нам шли грозовые тучи,
Их молний сноп дробил.

³⁶ Отсылка к стихотворению Блока «Рожденные в года глухие...»

³⁷ Речь идет о стихотворении «Забывшие Тебя...». Впервые оно было опубликовано в № 2 «Ежемесячного журнала», второй раз – в № 1 лево-эсеровского «временника литературы, искусства и политики» «Знамя труда» за 1918 г.

И руки повисали, словно плети,
Когда вокруг сжимались кулаки,
Грозящие громам; рыдали дети
И жены кутались в платки.
И я без сил отстал, ушел в иное,
За мной с горы сошли толпы других.
Нам не сияло небо голубое
И солнце в тучах грозových.
Скитаясь, мы беспомощно роптали
И прежних хижин не могли найти.
И у ночных костров, сходясь, дрожали,
Надеясь отыскать пути.
Напрасный жар. Напрасные скитанья,
Мечтали мы, мечтанья разлюбя,
Так суждена безрадостность мечтанья
Забывшему тебя!

1915, XII.

И подумать только, что в Блоке увидели воспевание революции – апофеоз демократии, социализма, большевизма и еще не знаю чего. Вспоминается трагикомическая жалоба Лермонтова:

Нет, нынче свет пошел не так...
Обиняков не понимают...
Скажи не прямо: ты дурак
За комплимент уж принимают³⁸.

Это, впрочем, весьма на руку Блоку – это именно и есть его метод: говорить *не прямо*: ты дурак, – и потом выслушивать восторженные комплименты.

Его давняя мечта и упорная, упрямая программа:

Дохнула жизнь в лицо могилей,
Мне страстной бурей не вздохнуть.
– Одна мечта с упрямой силой
Последний открывает путь.
Пои, пои свои творенья
Незримым ядом мертвеца
Чтоб гневной зрелостью прозренья
Людские отравлять сердца³⁹.

О – какая гневная *зрелость* презренья разлита в «Двенадцати». Какой кипит тут едкий яд мертвеца, но яд *незримый*, настолько не-

³⁸ Неточная цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Трубецкому» (1831).

³⁹ Горский приводит полностью стихотворение Блока «Дохнула жизнь в лицо могилей...» (1909).

зримый, что в годовщину большевистского переворота – бдительные власти не придумали ничего лучшего, как торжественно отпраздновать ее инсценировкой этого нового гимна революции и свободы⁴⁰.

А автор, быть может, даже смотрел, любовался, любезно делал указания актерам, а те из себя выходили, чтобы талантливее, в лицах изобразить Петьку и Ваньку, и зрители смотрели и восхищались: – Как он умен! Как он в нашу Советскую республику⁴¹ влюблен! И едва ли обратили внимание на звучащий в ушах – нездешний странный звон, – а то кости лязгали – о кости, – то вьюга диким смехом заливалась в снегах⁴² – и в этом лязге – и смехе – довольно таки явственно звучала – мелодия нового гимна, *поскольку он относился к их свободе и их революции* – все равно, большевистской, меньшевистской или средневистской, мелодия весьма немногословная: «Ты дурак! И скука с тобой смертная!», но это было сказано *немножечко* непрямо – и ничего, сошло! Издевательство принято за комплимент, трупный яд подан на стол в качестве воодушевляющего напитка жизни; повторилась старая история о мертвце в изящном фраке, которого дарят улыбкой благосклонной хозяйка дура и супруг дурак⁴³.

Он изнемог – от невыносимой могильной пустоты и скуки – но лязг костей музЫкой (дивной мелодией стиха) заглушен. Он крепко жмет приятельские руки (своих новых друзей – левых эсеров). Живым, живым казаться должен он!

Все это, я сказал, особый метод «живым и страстным притворяться», «скрывая для карьеры лязг костей». «Ходить среди людей и притворяться непогибшим...»⁴⁴ И насколько сознательно применяется Блоком этот метод – насколько планомерно он поит свои творенья незримым ядом и *для чего* надобно ему это притворство и эта карьера революционера, реформатора, *весьма* партийного и *крайне* общепольного деятеля – это, может быть, станет для нас немного понятнее из одной характеристики Ибсена, данной некогда Блоком:

⁴⁰ В начале 1919 г. в помещении Моссовета был устроен литературный вечер, на котором актер Театра имени Комиссаржевской А.П. Кторов читал поэму «Двенадцать», а на экране проецировались иллюстрации к поэме художника Ю.П. Анненкова. См.: *Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 444; Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. М., 2005. С. 68–69. По воспоминаниям Ю.П. Анненкова, «Кторов тщательно репетировал блоковский текст» наедине с ним, а не с Блоком (Там же. С. 69).*

⁴¹ Было: Совдепию.

⁴² Горский соединяет образ бьющихся друг о друга костей из блоковского стихотворения «Как тяжело мертвцу среди людей...» из цикла «Пляски смерти» (1912–1914) и образ вьюги из поэмы «Двенадцать».

⁴³ Здесь и далее Горский вплетает в текст статьи скрытые цитаты и образы из стихотворения Блока «Как тяжело мертвцу среди людей...».

⁴⁴ Горский объединяет цитаты из стихотворения «Как тяжело мертвцу среди людей...» и цитату из стихотворения «Как тяжело ходить среди людей...» (1910).

он берет Ибсена в период его «сближения» с вопросами момента и интересами общественной среды...

«Итак, Ибсен возвращается – к “родной и близкой” (как говорится) действительности. Он анализирует и врачует “язвы общества”. Разве не тревожили Ибсена давно уже общественные вопросы? Разве не вопрошал он еще в ранней юности норвежских скальдов: “Не на пользу ли народу дан им поэтический дар?”

Мораль и польза! Виват! *Ибсен* стал реформатором! Ибсен перестал быть “чистым художником”! К нему бросается свора публицистов, критиков. Он повторяет им: “Столпы общества” – раз! “Кукольный дом” – два! “Доктор Стокман” – три! Голодные критики хапают, не разбирая, нет ли в каком-нибудь из этих “вкусных” вопросов – кусочка иглы. Пятьдесят Нор выходят из себя, чтобы острее, больнее, талантливее – в лицах изобразить проклятый женский вопрос – и т.д. Негг Ибсен – пишет, гуляет, делает указания актерам... Он стал “великим чернорабочим”. Он стал “понятым”. Какою мерой излить толпе и слугам ее – критикам – благодарность на писателя, который “отрезвел” и “как все” занялся женским – и всеми прочими “вопросами”?

И вдруг... (для *публики* “вдруг”, потому что годы дум и сомнений для публики один миг) Ибсен превращается опять во что-то новое и перестает быть понятым. Иначе говоря – не только его новые произведения уже *менее питательны* для публицистов, но они заставляют подозревать, что и “кукольный дом” не был так прост, что в кусках, бросаемых критикам, были... иголки. Публика начинает ахать и давиться... Теперь в драмах Ибсена явственно бьет какой-то незнакомый ключ. Его происхождение объясняют на все лады. Но ведь и мы не знаем доселе, сколько в этом ключе живой и сколько мертвой воды. Страшно, Герних Ибсен, мы не совсем ясно слышали твое слово. Куда ты нас завел?

Современный Ибсену критик Шленгер говорит по поводу последней драмы (“Когда мы мертвые пробуждаемся”): “Если бывали вообще *коварные* художественные произведения, так это новейшие драмы Ибсена”. Можно прибавить: новейшие драмы Ибсена обнаружили только, что все его творчество подобно бурному потоку, в котором много *подводных* камней.

“Люди *полагают*, что я с течением времени менял свои взгляды, но это большая ошибка. На самом деле мое развитие шло вполне последовательно”, – говорил Ибсен. Все творчество его многозначно, все говорит о будущем, о несказанном и потому соблазнительно. Великая благодарность и хвала Ибсену за соблазны! Если же он

соблазнил кого, то ведь соблазняются только путники. Стоящие же на месте – те только обманываются. Их – пожалуй, Ибсен действительно обманул: кинувшись с разных сторон в объятия “*морали*” – группцы столкнулись лбами над *пустотой*»⁴⁵.

Все сказанное здесь Блоком об Ибсене – в полной мере применимо к самому Блоку. Недаром же он сам в той же статье отождествляет свой путь с Ибсеновским: «Мы шли по следам Ибсена. Имя Ибсена красовалось на нашем знамени, оно красуется на нем и до сих пор. Слава Ибсену! Мы еще по-новому вернемся к нему»⁴⁶.

Так оно и случилось. Час настал. Время скрутило свой плащ, и наш поэт, действительно, по-новому вернулся к Ибсену. Метод Ибсена им *усвоен* в совершенстве.

Конечно, и он никогда не менял своих взглядов Большая ошибка думать это. Он повернулся «к родной и близкой, как говорится, действительности», он отрезвел, он, как все, объявил себя человеком партийным, чернорабочим – словом, «пошел с толпой туда за всеми». Ура! Мигом сбежалась свора публицистов и критиков. Он кидает им – «Двенадцать» – раз – «Скифы» – два! Голодные Ивановы-Разумники хапают, не разбирая, какие острые, злые иглы натыканы в этих хлебных мякишах. Проглотили. Тогда поэт бросает им «Забывшие Тебя» – пьеса – куда менее вкусная, куда менее питательная для публицистов. Но ничего! Напечатали и это рядом с лихими статейками Мстиславского⁴⁷ и еще кого-то в том же роде. Может быть, потом начнут ахать и дивиться: да уж поздно будет.

Тогда авось постигнут, что и «Двенадцать» не так просто, что это есть прековарнейшее произведение – коварнее северной ночи – и любви цыганской короче.

Блок издевательски стравил критиков и публицистов и всю честную публику – сторонников и противников большевизма и т.п. вещей. Разлетевшись с разных сторон в объятия *политического* смысла поэмы, те и другие (преуморительно) звонко стукнулись лбами над... *пустотой*, над *той самой пустотой*, в которую провалился вверх ногами Арлекин, той пустотой, за которую подымают пустые кубки мятежники в «Короле на площади», – той роковой пустотой,

⁴⁵ Горский приводит обширные фрагменты из статьи Блока «От Ибсена к Стринбергу» (Труды и дни. 1912. № 2. С. 10–11, 13).

⁴⁶ Там же. С. 13.

⁴⁷ В № 1 журнала «Знамя труда», где было напечатано стихотворение Блока «Забывшие тебя», была помещены статьи писателя, члена партии левых эсеров и объединения «Скифы» Сергея Дмитриевича Мстиславского (1876–1943) «Порочный круг», а также организаторов лево-эсеровской партии В.А. Карелина «Перспективы революции» и Б. Камкова «Творцы переворота на Украине».

что воцарилась в сердцах восторженных когда-то после долгих дней войны без смысла и свободы – без креста.

«Нельзя влачить корабль к светлому будущему, когда в нем есть труп в трюме», – заявил некогда Ибсен – сосредоточив в этом образе всю тревожную боль своих ожиданий и опасений. «Труп в трюме! Какой жуткий и вещий символ!» – воскликнул в свое время по этому поводу Блок⁴⁸. А теперь он дает и свой аналогичный символ, не менее жуткий и вещий: *падать на снегу...* Нечего мечтать зажечь мировой пожар. Когда вокруг мороз да снег, а на снегу... падаль... Это падаль – былая мечта о новой жизни: с таким грузом за душой далеко не уйдешь.

Дохла жизнь в лицо могилы.

Страстной бурей не вздохнуть *никому*.

Итак вот кто нынешний Блок. Менее всего, как видим, он герольд революции, популяризатор большевизма, социализма, питательных и т.п., мож<ет> быть, очень полезных, во всяком случае очень ясных, понятных и приятных – съедобных для большой интеллигентской публики вещей.

Нет, он прежде всего:

пророк пустоты

апостол отчаяния

свидетель скуки, смертной и беспросветной,
ядовитый мертвец, сдуру принятый за живого.

И это все?

Нет, конечно. Это только половина всего, и даже меньшая половина.

Если для одних Блок, до конца понятый, – необходимо окажется *мертвецом*, ибо он своим ядом гневного презренья отравил, разложил и в зловонный труп обратил все, чем они жили, во что верили, на что уповали, то, м<ожет> б<ыть>, для других, для немногих пока, этот мертвец живет всех живых – ибо им ведомо, что дальше и глубже всякого яда, глубже гнева и презрения течет в быстрине его лирического потока некий целебный ключ, подлинный жизненный эликсир; от них не скрыто, что именно этому мертвецу «дано рождать бушующее жизнью слово»⁴⁹, что как раз в «Двенадцати» и «Скифах» каждое слово именно *бушует* жизнью...

Настоящей живой жизнью, не этой политической, партийной – полусмертью.

⁴⁸ Эти слова Ибсена Блок приводит в статье «От Ибсена к Стриндбергу» (Труды и дни. 1912. № 2. С. 10).

⁴⁹ Цитата из стихотворения Блока «Всю жизнь ждала. Устала ждать...» (1908).

Какой-то незнакомый ключ явственно бьет – в необъятном разливе блоковского лиризма – и мы доселе не знаем, сколько в этом ключе мертвой и сколько живой воды, – знаем только, чем всем существом, что за мертвой водой там *есть* живая.

Многозначно его творчество – о будущем оно – о несказанном. Куда-то позвал нас этот странный певец, и мы неотчетливо расслышали его голос. Какой-то в этом зове брезжит *смысл*, но «ум простой и темный всей светлой глубины постичь не может». Это постижение еще впереди. По крайней мере *отрицательный-то* смысл этого зова не должен бы возбуждать сомнений – куда его песнь не зовет, куда идти она отбивает последнюю охоту – это, право же, слишком ясно. Буйным ветром этой песни насмешливо сорван, смят и изорван на куски плакат «Вся власть Учредительному собранию». То же самое, конечно, произошло бы и с плакатом «Вся власть советам» (ветер этих *тонкостей* не различает) и со всякими другими в этом роде плакатами и канатами, и с ходящими по канатам акробатами, как бы долго они там ни балансировали.

Все это ухнуло или ухнет в пухлую снежную бездну пустоты..

И вот тогда...

Но не рано [ли] еще сейчас говорить о положительном жизненном смысле поэзии Блока и в частности последних двух поэм? Готовы ли уста и уши – для таких речей? Не лучше ли выждать время – пусть лучше сначала мертвая вода, незримый яд гневного презренья, пропитавший песни Блока, окажет свое действие на организм читателей.

Пусть от их страшной, разлагающей силы окончательно передохнут в наших умах все эти современные – злободневные – идейки, вопросы и настроенница – *все* без остатка, как насекомые после персидского порошка.

Пока же все это кишмя облепило наши мозги – едва ли *целесообразно* сейчас идти далее в поисках родника живой воды – в поэмах Блока; несвоевременно поднимать речь о солнечном, пророческом и проективном *смысле* его поэзии. Впрочем, слова два, думается, и тут все же молвить можно; обратимся к этому во второй части доклада.

Цель у «двенадцати» потеряна; забава опостылела, а энергии все еще непочатый угол⁵⁰. Что им делать? Остается одно. Ринуться *в даль* «прежде милую», блиставшую «огнями, огнями, огнями», а теперь обставшую душу «пустыней бесполезной», бесцельной и снежной, где «ни огня, ни звезды, ни пути», «где одна пылит пурга», где «вьюга пылит им в очи, дни и ночи напролет... – и все-таки «вперед-вперед!» – безоглядно, безотчетно и почти безнадежно – в неизведанное – в невозможное....

Не до раздувания теперь «мирового пожара» – нечем раздувать – огни последние погасли – что же влечет их вдаль? Или некая «надежда невозможной встречи»⁵¹ – но с кем? С «врагом неугомонным»? И Кто этот враг? Уж, разумеется, не буржуй, плетущийся жалким голодным псом сзади – не только в него выстрелить или ножичком полоснуть не тянет – даже «штыком щекотать» – лень – Скучно! Новое надвинулось.

«Ревет ураган, поет океан, кружится снег» и своим ревом «и круженьем и пеньем зовет» и «в призывном круженьи и пеньи» слух ловит что-то забытое, все явственней растет и звучит в нем мотив свистящей песни ветра, песни Судьбы: «Сдайся мечте невозможной. Сбудется что суждено!»⁵²

Под волшебный ритм этой песни слышите, как меняется их походка? Прежде все Петруха путал, то уторапливая, то замедляя шаг; теперь это выравнивается: «раздается (в строфе 11-ой) мерный шаг», в 12-ой он становится даже «державным шагом». Но куда, куда зашагали они? К чему придут? «В путь роковой и бесцельный шумный зовет океан...»⁵³.

Не совсем, пожалуй, *бесцельный* – только цель его не осознана еще «умом простым и темным», «полным темного бессилья»⁵⁴. Больное, запуганное воображение помешало осознать ее! Не оттого ли «радость страданье – одно» – радость – чувствовать цель и страданье – не сознавать ее?

⁵⁰ В Московском архиве А.К. Горского и Н.А. Сетницкого вторая часть статьи сохранилась в двух видах (начало белой рукописи) и черновик. На первом листе белой рукописи повторено заглавие «Крест над вьюгой», к которому сделано следующее примечание: «Настоящая статья составляет вторую половину доклада о новых поэмах Блока, прочитанного в Одесском литературно-художественном обществе 23 января 1919 года. В первой половине вскрывается драматическая схема первых семи строф «Двенадцати». Схема эта сводится [не дописано]».

⁵¹ Цитата из стихотворения Блока «Гадай и жди. Среди полночи...» (1902).

⁵² Первая и последняя цитаты данного абзаца – из песни Гаэтана в лирической драме Блока «Роза и крест», вторая и третья цитаты – из поэмы Блока «Соловьиный сад» (1915).

⁵³ Цитата из песни Гаэтана.

⁵⁴ Первая миницитата – из лирической драмы Блока «Роза и крест», вторая – из стихотворения «В часы вечернего тумана...» (1900).

Не знаешь ты, какие цели
Таишь в глубинах роз своих...⁵⁵

Или иногда знаешь?

Ты – знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?⁵⁶

В метельном мраке – беседы и жесты, похожие на бред, но бред вещей, подобный поэзии по цветущей глубине скрытого светлого смысла. Беседа изложена в 10-й строфе, открываясь замечанием печального Пьеро-Петрухи: «Ох – пурга какая, Спасе!» а *жест* заключается в стрельбе всех «двенадцати» в эту пургу, в переулочки глухие, где она одна пылит и вместе с вьюгой заливаётся диким смехом. Вся дивная музыка поэмы возникла из простого вслушивания в мелодию сочетания этих двух звуков: *ветер* и *выстрел*: вой ночного зимнего вихря и треск ружейной пальбы. Безумное сетование стихии – и полумумный отклик ей человека. В самом деле – что они, с ума сошли, герои поэмы Блока – стреляют в кого? Не в человеке, не в зверя, не в пса, не в буржуа (что было бы так естественно, понятно и приятно с точки зрения «классовой борьбы» и тысячи других, столь же разумных и обоснованных интеллигентских точек зрения). Нет – они... смешно сказать... стреляют в воздух, в ветер – в пургу... темнота! необразованность! суеверие – что ли здесь кроется? Какой процесс мысли мог подвести двенадцать сознательных человек к подобному несуразному поступку?..

Ох, пурга какая, Спасе! – На этот Петькин возглас товарищ *возражает* ему лишь против обращения к Спасу – против самой пурги ему сказать нечего: она – факт бесспорный. Все двенадцать *принуждаются* наконец уделить долю внимания состоянию окружающей воздушной среды и открыть, что ведь оно не слишком для них благоприятно. Да – это целое *открытие* для наших искателей нового мира и презрителей старого. Невозможно было, конечно, и ранее не замечать вовсе состояния атмосферы – хотя бы температуру ее, но... как-то мысль на этом никогда не задер-

55 Цитата из стихотворения Блока «Я – тварь дрожащая. Лучами...» (1902).

56 Цитата из стихотворения Блока «Под шум и звон однообразный...» (1909).

живалась, скользила без раздумья, мгновенно перепархивая к вопросу о борьбе с буржуем – и т.д. «Холодно, товарищ, холодно!» И сейчас же: а Ванька с Катькой в кабаке... т. е. им-то небось тепло – греются, а тут мерзни в рваном пальтишке... и вывод: «ну, Ванька, сукин сын, буржуй!» Так представление о *холоде* на этой ступени сознания лишь новый повод для мелкой, завистливой вражды ко всем, кто имеет возможность забраться в кабак или в воротник упрятать нос... Это насчет холода, ну а что касается ветра... Кто же будет серьезно еще разговаривать о таком пустяке, как ветер... о нем ведь ни разу не упоминало ни одно буржуазное воззвание, ни одна пролетарская прокламация... Не потому ли, что и в них [1 нрзб.] еще много буржуазного?

Дикий ветер
Стекла гнет,
Ставни с петель
Буйно рвет.

Час заутрени пасхальной,
Звон далекий – звон печальный...
Глухота и темнота...
Только ветер, гость печальный,
Сотрясает ворота.

.....
Как не бросить все на свете,
Не отчаяться во всем,
Если в гости ходит ветер,
Дикий ветер, буйный ветер,
Сотрясающий мой дом?⁵⁷

Всегда, везде, во всем ветер... «Ветер, ветер на всем Божьем свете!» Но... никто его не видит, не замечает...

Буржуй «в воротник упрятал нос», а пролетарий... тот за неимением воротника упрятал нос... в мечту о борьбе с этим буржуем – за право на обладание такими же воротниками, куда все могли бы заблаговременно упрятать свои носы и уже окончательно, бесповоротно не замечать ни ветра, ни мороза.

К несчастью или к счастью... эта мечта крахнула, затея сорвалась...

⁵⁷ Горский приводит строки стихотворения Блока «Дикий ветер стекла гнет...» (1916).

Есть времена, есть дни, когда
Ворвется в сердце ветер снежный⁵⁸

В такое время и в такой день ветер снежный ворвался в самое сердце вышедших в ночь 12 человек и не успокоился, пока не заставил их бросить все на свете и отчаяться во всем, и все внимание отдать ему, дикому черному ветру. Игра ветра и порхание снега образовали воронку и столбушку закипающей пурги – и все теперь спуталось: уж не разберешь, кто буржуй, кто нет, кто враг, кто друг: «Не видать совсем друг друга за четыре за шага». Тогда-то Петруха первый отрезвился, очнулся от гипноза дурацкого воображения – раскрыл глаза на *действительность*, молвил: «Ох, пурга какая!» и добавил: «*Спасе*».

Что же знаменует *последняя* прибавка? Какая мысль в *ней*? А должна быть в ней какая-то мысль – хоть и *бессознательная* (по слову товарища: «бессознательный ты, право!»).

Это воззвание к Спасу, в связи с удивленным испугом перед пургой, не есть ли смутная мысль о возможности какого-то *спасения* от разгула стихии. Это... «крест над вьюгой», о котором много лет назад писал Блок в одной газетной статье («Искусство и газета»), это, по слову Блока, «религия, которая исполняет *предчувствием*»⁵⁹ – конечно, предчувствием возможной *победы* над буйством бесчеловечных диких черных сил. Это видение бретонских легенд отражено, между прочим, и в драме Блока «Роза и Крест»:

Волны бушуют, ревет океан.
Крест горит над *вьюгой*
Зовет тебя в снежную ночь!

Или:

Вихрь налетит, завоюет снег – и в памяти на миг возникнет *тот* край, тот *отдаленный* брег...⁶⁰

Рано иль поздно забывшие Тебя вспомнят Тебя, взглянут вдаль – и в памяти на миг возникнет *образ*, связанный с мечтой невозможной, носителя этой мечты и *дела*, из нее вытекающего... Пока этот влекущий и дразнящий, раздражающий образ – не то спасителя, не то мучителя – *за вьюгой невидим* – и чтобы его увидеть, надо... одолеть – вьюгу – задача не из легких! Вот из-за чего у кое-кого из «забывших Тебя» начали «сжиматься кулаки, грозящие громам» – уже не буржую – а громам – однородный *жест* угрозы – у двенадца-

⁵⁸ Первые строки стихотворения Блока «Есть времена, есть дни, когда...» (1913).

⁵⁹ Цитата из статьи Блока «Искусство и газета» (Русская молва. 1912. 9 декабря. № 1).

⁶⁰ Начальные строки стихотворения Блока «Вихрь налетит, завоюет снег...» (1912).

ти: лишь вместо громов – снежная пурга, взамен кулаков – пули из стальных винтовок.

Как *психологически* вырастает *жест*? Поэма подробно рисует это. В снежной и выюжной пустоте у затерянных людей мало-помалу крепнет ощущение, что они не одни, что еще кто-то с ними –

Враг ли, друг ли, не поймешь, скорее всего *враг* – именно *тот* настоящий враг неугомонный, *незримый*, который *всему* мешает. Это он некогда не дал раздуть мировой пожар, он оглушил падалью на снегу, задул – все огни, огни, огни... а теперь засыпает их пургой...

И Кто он? Не этот ли самый – Кого они видели на золотом иконостасе и кресте на брюхе попа, Кого так некстати помянул Петруха, называя Спасом, хотя от чего собственно он их спас?

Кто еще там? Выходи
Кто в сугробе, выходи?
Это ветер с красным флагом
Разыгрался впереди?

Нет, не просто сугроб, не только ветер – надо *приглядеться*.

Кто там *машет красным флагом*?
Приглядись-ка – эка тьма.
Кто там *ходит* беглым шагом,
Хоронясь – за все дома.

Хорошо поясняет это *ощущение* одно из ранних стихотворений Блока:

Мы всюду. Мы нигде. Идем
И зимний ветер нам навстречу
В церквах и в сумерки и днем
Поет и задувает свечи.

И часто кажется: вдали
У темных стен, у поворота,
Где мы пропели и прошли
Еще поет и *ходит* Кто-то.

На ветер зимний я гляжу...
Боюсь понять и углубиться.
Бледнею. Жду. Но не скажу,
Кому пора пошевелиться.

Я знаю все. Но мы – вдвоем –
 Теперь – не может быть и речи,
 Что *не одни* мы здесь идем,
 Что Кто-то задувает свечи.

Нынешняя ограниченность человека непокорной ему стихией всегда – и внутри его полагает некоторую границу – (психологическую) черту, и за этой чертой невольно будет всегда чудиться некто враждебный – враг неугомонный, далекий и вечно близкий, спящий, но ежеминутно (готовый) проснуться...

Вот проснется лютый враг.

Вечно властный погасить огни
 Надежд, заманчиво влекущих⁶¹,

Блиzkих целей – пересечь золотую нить зацветающих в сердце чудес любви и счастья.

Но этот *некто* в разные времена различно воображается – когда-то это был – Ванька – сукин сын буржуй – вообще буржуй во всех видах, стоящий на перекрестке, где пересекаются дороги...

Теперь... не то...

Ревность и страх... не к жалкому стражу старого мира, не к этому шелудивому псу или этому доброму парню «с физиономией дурацкой», к^{то}рому лень даже штыком пощекотать, а не то что стрелять в него, а... к кому-то... *Другому* –

Кто Он был, я не знаю, никогда не узнаю,
 Но к нему моя ревность и страх мой к Нему...
 Ревную к Божеству, Кому песни слагаю,
 Но песни слагаю, я не знаю Кому⁶².

Вообще ничего не знает. Даже в то, что знает, *боится* понять и углубиться!

Бессознательный ты, право!

Степень сознания, правда, тут невысока – все же выше той, когда – видели все зло в недобром человеке, во враге видимом, зримом, осязаемом.

Зато неуправляемое движение воли

Все равно тебя добуду –
 Лучше сдайся мне живьем –
 Выходи... Стрелять начнем.

⁶¹ Отсылка к стихотворению Блока «Гашу огни моих надежд...» (1902).

⁶² Цитата из стихотворения Блока «На Вас было черное закрытое платье...» (1903).

Так осуществляется *новая* мечта направить дула винтовочек стальных на врага *незримого*, за выюгой невидимого...

Тем самым, кстати, текстуально – точно разрешается вопрос – тупо запутанный чуть не всеми писавшими о поэме Блока:

– Кто же двенадцать в отношении Христа: ученики или гонители? Последователи или преследователи?

Ясно и бесспорно *второе* – но, хотя конечно, это не простое преследование – да и вообще ведь всякое преследование есть тем самым уже *следование*, и если уж сравнивать их с апостолами, так разве – с Савлом, прущим против рожна, Савлом, дышащим угрозами и убийством, но...⁶³

Чем это разрешится? До момента встречи с преследуемым лицом – к лицу – не доводит поэмы Блока. Да и чем могла бы стать *сейчас* такая встреча? Ослепительной вспышкой света – после которой еще тяжелее сгустится мрачный полог выюги. «Неимоверное видение предстало ему... все кончилось!..» – писал Достоевский о русском Влаसे, стрелявшем в причастие, – символе всего русского народа «в иные роковые минуты его жизни». Парень, замысливший «всех дерзостнее сделать», «упал с ружьем в бесчувствии» – упал в смирение, в страдание – и всю жизнь потом проползал на коленях по монастырям и старцам⁶⁴. Конечно, не такого исхода ищет Блок. – Нет, если б все русское дерзновение, вся удаль бедовая нашли себе то настоящее *героическое* применение, которого не обрели она ни в бестолковой войне, ни в злополучной революции – и нигде, ни в чем, ни разу – за тысячелетнюю историю.

На моменте стрельбы в незримого врага – обрывается поэма:

Трах-тах-тах и только эхо
Отзывается в домах,
Только выюга долгим смехом
Заливается в снегах.

Что будет далее? Кто угадает? Темно – ничего не видно.

Приглядись-ка, эка тьма.

На ветер зимний я *гляжу*, боюсь *понять* и углубиться.

⁶³ Горский отсылает к эпизоду книги Деяний апостолов, повествующему об обращении фарисея Савла: отправившись в Дамаск, чтобы преследовать христиан, он внезапно увидел ослепивший его небесный свет и услышал голос: «Я Иисус Христос, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна» (Деян. 9, 1–7). Уверовавший Савл получил при крещении имя Павел и стал одним из первоверховных апостолов.

⁶⁴ Горский излагает содержание главки «Влас» в «Дневнике писателя» 1873 г., приводя отсюда миницитаты (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 21. Л.: Наука, 1980. С. . 34).

Боязнь – причина непонимания, неведения – оно в свою очередь порождает боязнь, порочный круг, в котором так долго топчется человечество...

Все равно ведь никто не поймет
 Ни тебя не поймет, ни меня.
 Ни что ветер поет – нам звеня⁶⁵.

Никто? А если кто-нибудь все-таки *поймет* – ветровую песню – тогда он и будет истинным, желанным героем русской равнины, которого ждем. Вот диалог из давней драмы Блока «Песня судьбы»:

«[Герман:]Слышишь, как поет ветер. Точно песня самой Судьбы – веселая песня... Когда будет ясное небо, когда отзвучит Песня, тогда только человек станет героем!

Елена: За тучами идут новые тучи⁶⁶. Не дожидаться ясного неба.

Герман: Будет ясное небо!⁶⁷

Елена: Если суждено, иди – мой милый, мой царственный! Я должна знать, куда ты пойдешь.

Герман: Вон той дорогой. В мир. К самому сердцу России.

Елена: Так, иди туда, где звучит песня судьбы. Я знаю: ты вернешься героем⁶⁸.

К драме поставлено эпитафией гоголевское:

«Русь! Что пророчит сей необъятный простор! Здесь ли, в тебе не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и *пройтись* ему?»⁶⁹

Не оттого ли – все еще не родилась эта мысль и не развернулась богатырь, не оттого ли были войны и от дней свободы осталось в сердцах одно похмелье роковой пустоты, что не *такой* войны жаждет и не такую свободу пророчит сей необъятный простор?

⁶⁵ Цитата из стихотворения Блока «Было то в темных Карпатах...» (1913).

⁶⁶ К этой фразе Елены Горский делает приписку: «Народ роптал, вожди лишились сил», отсылая ко второй строфе стихотворения «Забывшие Тебя», где появляется символический образ грозных туч.

⁶⁷ К этой фразе Германа Горский делает приписку: «Сбудется что суждено», отсылая к песне Газтана из лирической драмы «Роза и крест».

⁶⁸ Блок А. Песня Судьбы // Шиповник: Литературно-художественный альманах. Кн. 9. СПб., 1909. С. 208–209.

⁶⁹ Горский цитирует фрагмент эпитафии к лирической драме «Песня Судьбы», представляющий собой в свою очередь фрагмент лирического отступления из «поэмы» Гоголя «Мертвые души».

Дорога к Сердцу России – только там, где звучит – песня ветра, песня судьбы – песня мечты невозможной. Там должна родиться беспредельная мысль, и оттуда выйдут богатыри, если им суждено выйти. *Двенадцать* – еще не богатыри, но стоило им краем уха прислушаться к ветру, чуть приглядеться к выгое... – их шаг непроизвольно становится – величавым – державным... – их безумный, неосмысленный жест – героическим.

В чем же тут секрет?

«Остановись, премудрый как Эдип
Над Сфинксом с древнею загадкой...

Россия – Сфинкс!» – восклицает Блок – в новой поэме «Скифы». Эта поэма – словно река огнедышащей лавы – вырвалась из самого сердца России – и насколько действительно Россия с ее сердцем есть еще неразгаданный сфинкс, – видно уже из того, что *смысл* этой поэмы остался для всех мудрых Эдипов абсолютно наглухо запечатанным. Там есть четыре строки – где сосредоточена вся сила гневного укора, кидаемого русской равниной европейским хребтам и плоскогорьям:

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома лавины
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины...

Было сделано недавно здесь нечто вроде анкеты – в самой разнообразной интеллигентской среде был обращен ко всем поголовно, кто внимательно поэму читал, от ярых хулителей Блока до восторженных его ценителей, один и тот же вопрос: «Как Вы поняли эту строфу? При чем тут, по-вашему, провал Лиссабона и Мессины?»⁷⁰

Ответ был за ничтожными исключениями трогательно единомыслен. Ничего не понимаем. Все прочее еще так, смя – понятно, даже сильно – дух захватывает... Как дойдем до этого места – стоп – провал в сознании – дикая сказка – какое-то дикое бормотание. –

Что ему Лиссабон, для чего поэт сюда всунул Мессину? Как будто они столь же связаны со смыслом прочих строф, сколь огородная бузина с киевским дядькой. Для рифмы что ли он сюда приплел это – Ковал – провал – не понимаем.

⁷⁰ Этот опрос был проведен самим Горским.

«Цвет интеллигенции, цвет культуры прибывает в таком аполлиническом или в таком муравьином сне. Это бесконечное и упорное строительство с пеной у рта – с падениями. И муравейник растет. Завоевана земля и недра земли, море и дно морское, завоеван воздух, который завтра весь будет исчерчен крылами аэропланов.

И вдруг <...> телеграф приносит известие, что уже не существуют – исчезли – Калабрия и Мессина, – 23 города, сотни деревень и сотни тысяч людей. Нахлынувший океан и проливной дождь затопили все, чего не поглотила земля и не выжег огонь. Мы знаем, что значат благоуханные имена Калабрии и Сицилии, но только молчим и наблюдаем, зная. Что если исчезли на земле древние Харибда и Скилла, то впереди – в сердце нашем и в сердце нашей земли – нас ждет еще более страшная Харибда и Скилла. И что можем мы, пребывающие в аполлиническом, в муравьином сне? Мы можем только... любить облекаться в траур, праздновать торжество своей печали пред лицом катастрофы. И вот военный броненосец механически приспускает свой флаг до половины флагштока как бы в знак того, что флаг опущен в самом сердце нашем.

Пред лицом разбушевавшейся стихии приспущен неизменный флаг культуры. Да, пред событиями в Сицилии и Калабрии мы только и можем, что торжественно приспустить флаг. Ведь отклонилась только стрелка сейсмографа. Ученые сказали только, что югу Италии и впредь угрожают землетрясения, что там еще не отвердела земная кора.

Мы делаем все, что можем. Король вернулся с охоты. Папа отменил аудиенцию. Все аккредитованные при итальянском дворе послы выразили *соболезнование*. Броненосцы приспустили флаги. Военное судно, отправленное на розыски какого-то города... *не нашло* того места, где он был. Русские матросы *popolo d'eroi*⁷¹ – парад героев – являют чудеса самоотвержения, копаясь в тех горах миазмов заразы, в которые в 40 секунд превратились человеческое мясо, осколки зодчества и морской ил. Ползут поезда, нагруженные мертвецами, и архиепископ носит мощи святой Агаты, смирительницы подземных сил. Телеграф стучит по всей Европе, но у нас не хватает извести, чтобы засыпать бывшую Мессину. Вульгарные слова газетных телеграмм приобретают силу древних итальянских хроник. А из Этны вырываются столбы желтого дыма, и Сицилия продолжает содрогаться, и *нам не усмирить ее дрожь*.

⁷¹ Народ героев (*итал.*). Речь идет о российских моряках, спасавших жителей г. Мессины после землетрясения.

Неужели этим *фактам* нужно противопоставлять оптимизм? Не раз уже сотрясала землю эта подземная лихорадка и не раз уже мы праздновали свою *немошь* пред трусом, голодом и мятежом⁷².

Ясно? *Что* ставит в укор – европейскому миру варварская лира – скифского певца: *немошь перед трусом, голодом и мятежом* – и мражом, конечно, и хладом, и ветром – вообще перед стихией... Этой *немошью* и только *ею* обусловлено кошмарное, катастрофическое, как будто неотвратимое будущее – всей культуры.

А вот характеристика нашего века из повести «Возмездие»:

Двадцатый век... еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла.
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла.)
Пожары, дымные закаты
(Пророчество о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине.
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь.)
И неустанный *рев* машины,
Кующей гибель день и ночь.
Сознание страшное обмана
Всех прежних *малых* дум и вер
И первый взлет аэроплана
В пустыни неизвестных сфер.
Что ж человек? За ревом стали
В огне, в пороховом дыму
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?

72 Горский приводит обширную выписку из статьи Блока «Стихия и культура», напечатанной в сб.: Италия: Литературный сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине. СПб., 1909. С. 208–218. Одна из центральных тем статьи, которую выделяет здесь Горский, – тема бессилия человечества, погрязшего в муравьиной суете, перед лицом природных стихий. Мессинское землетрясение, о котором пишет Блок, произошло 28 декабря 1908 г. и унесло жизни более 100000 человек. В данной статье Горский видит ключ к процитированному выше четверостишию из стихотворения «Скифы» (1918). Прямое сопоставление образов находим на одном из листов с подготовительными материалами к докладу о «Двенадцати», вложенных в папку «Блок. 1940». Здесь приводится цитата из статьи «Стихия и культура»: «Люди культуры, сторонники прогресса – лучшие интеллигенты с пеной у рта строят машины, двигают вперед науку, в тайной злобе – стараясь забыть и не слышать гул стихий земных и подземных, пробуждающийся то там, то здесь.

И только иногда, просыпаясь, озираясь кругом себя, они видят ту же землю, проклятую и до времени спокойную и смотрят на нее как на какое-то театральное представление, какую-то нелепую, но увлекательную сказку». И далее следует приписка Горского: «Дикой сказкой был для вас провал...».

О чем машин немолчный скрежет,
Зачем пропеллер, воя, режет
Туман холодный и пустой.

Вопрос этот стал неотвязно и стоит – безмолвный, как пес голодный, как... вопрос вопросов, загадка Сфинкса и пр. Какие дали? – Да никаких! Зачем? – Да кто его знает, зачем?

Так себе – режет...

И здесь, как видим, поэт опять не забывает помянуть Мессину и в трех исчерпывающих словах замыкает укоризненный смысл всех своих речей и песен на эти темы:

Стихийных сил не превозмочь...

Да – стихийных сил не превозмочь – ведь *это же предпосылки* всех замыслов и затей культуры. Бейся, старайся, хлопочи – но знай, что в конце концов все рухнет, как карточный домик от напора стихии. С такой вбитой в голову идеей каждый вождь и вершитель культуры подобен пушкинскому Александру из «Медного всадника»:

на балкон
Печален, смутен, вышел он
И молвил – с Божией стихией
Царям не совладать...

Покорение всех стихийных сил – обладание ими – об *этом* культура – не смеет и мечтать...

«Люди культуры, – говорится в той же статье «Стихия и культура», – сторонники прогресса – с пеной у рта строят машины, двигают вперед науку в тайной злобе, стараясь *забыть* и не слышать гул стихий земных и надземных, пробуждающихся то там, то здесь».

И самое большее, о чем они дерзают грезить, – это с помощью своих машин – куда-нибудь улизнуть, удрать с земли, с планеты, от мести пробуждающихся стихий.

Какие огненные дали открылись взору?

– А вот какие.

«Милостивые государи! – ораторствует старичок профессор на всемирной выставке, где сливки цивилизации, в драме «Песня судьбы». – В этом здании всемирной выставки собраны все продукты новейшей промышленной техники. Вы убедитесь воочию, сколь неумолима деятельность человеческого ума...

Толпа: Ума! Ума!

Старичок: И сколь велика сила человеческого таланта...

Толпа: Таланта! Таланта! Таланта!

Старичок: Сегодня я произношу в семьдесят седьмой раз слово о торжестве человеческого прогресса. Мы, ученые, можем смело сказать, что наука – единственный путь, на коем человечество преодолевает все преграды, поставленные ему природой. В недалеком будущем, милостивые государи, люди перестанут тяготиться пространством, ибо – вот автомобиль системы Лауиса, пробегающий полтораста километров в час!

Представитель фирмы выступает и расшаркивается:

Толпа: о! о! в один час!

Старичок: Вы видите, что знание опередило веру в чудесное. Нет более чудес, милостивые государи.. Вам нечего желать после того, как я познакомлю вас с последним великим открытием.

Толпа: О-го-го! Нечего желать!

Старичок: Пред вами летательный снаряд, обладающий чрезвычайной силой. Науке принадлежит честь открытия секрета управления им.

Это последнее великое изобретение, сулящее нам в будущем возможность сообщения с планетами...

Толпа: О! о! с планетами!

Старичок: Снаряд этот обладает минимальным весом, приготовлен и легчайшего материала. Но сила его летательных мышц такова, что своими гигантскими крыльями он легко может раздавить и пожрать человека.

Толпа: О! О! пожрать человека! О-о-го-го!»

Старичок удаляется с эстрады. Во втором отделении на нее взбирается Клоун и пародирует речь ученого:

«Нет более чудес, милостив<ые> государи. Сила моей семьдесят седьмой летательной пощечины такова, что этот ч<елове>к улетит высоко и исчезнет с горизонта вашего зрения. (Дает возле стоящему печальному человеку звонкую оплеху. Человек с неизменным лицом перевертывается несколько раз в воздухе и кубарем улетает за эстраду. Рукоплескания, хохот)»⁷³.

Все успехи науки и культуры блестяще символизированы этой пощечиной. Улететь с земли – с таким скандалом – вот до чего лишь сумела домыслиться убогая фантазия вождей и пионеров цивилизации – тут предел желаний – дальше уж никто не знает – чего еще пожелать.

Удивляться нечему. Наука – прекрасная и великая вещь – но что она делает? Она со старанием и успехом разрабатывает, проверяет

⁷³ Блок А. Песня Судьбы // Шиповник: Литературно-художественный альманах. Кн. 9. 220–222.

и применяет к делу – очередные гипотезы – а эти гипотезы диктуются, поставляются господствующим воображением эпохи – а воображение-то это *больное*, а воображение-то *дурацкое*! Поистине – убеждает нас лира Блока – каждым трепетом своих струн – поистине надо иметь *безнадежно* больное и *непроходимо* дурацкое воображение, чтобы мечтать об устройстве новой жизни, прекрасной, светлой, свободной, справедливой, чистой, веселой – и т.д. при условии сохранения в ней – таких хронических явлений, как гость нахальный и буйный – дикий ветер, черный ветер – сотрясающий и ломающий дома, – или такой милой вещицы, как ежеминутная возможность Нового Лиссабона и новой Мессины, словом, при существовании хаотической, не гармонизованной, не подвластной человеческой разумной мысли и воле – стихии. И как не бросить все на свете, не отчаяться во всем – если только *вправду* нам *никогда* стихийных сил не превозмочь и со стихией не совладать!

На самом деле люди – жили столько веков, находили в себе *силы* жить – и *мириться* со стихией единственно лишь, как нам указано Блоком, в свете некоторого религиозного и поэтического *предчувствия будущего* овладения и покорения стихии. Оно, это предчувствие, вставало как видение над, крест над вьюгой, как дальней цели путеводительный маяк, символ – манящий намек, возможности не имеет [прямо] сказать.

Но вот наступает время, когда это предчувствие должно или окончательно исчезнуть, оставив людей со свободой без креста, без цели – в диком иступленном отчаянии... или... уплотниться до степени совершенно реального научного практического немедленно приложимого к делу проекта подлинно «мирового» действия, направленного на борьбу с врагом нечеловеческим...

Если архиепископ носит мощи Святой Агаты, смирительницы подземных сил, то не носит ли он с этим некоторой мысли, *утраченной* людьми культуры⁷⁴, униженно спускающей флаг своего знамени пред лицом стихии, мысли о том, что во *власти* человека смирить подземные силы, что не удирать с земли, как нашалившему школьнику из класса, а населить землю и *обладать* ею – извечное назначение человека.

Больное и дурацкое воображение – вот настоящее слово! вот подлинный корень всех несчастий. Ведь прежде чем новую жизнь *воплотить*, осуществить, надо ее сначала представить, *вообразить*... Но при больном и дурацком воображении (потому и больном,

⁷⁴ Более поздняя правка, сделанная зелеными чернилами для доклада 1922 г., дает такое чтение: «окончательно утраченной людьми буржуазной культуры».

что дурачком) естественно перервется золотая нить зацветающих чудес... Незачем подробнее говорить, некогда о самом *механизме* воображения и о том, какая именно *пружина* в нем с треском лопадется – кажинный раз на том же месте. Кое-что было сказано в моем прошлогоднем докладе о поэзии Блока⁷⁵. Важно что так или иначе – новая жизнь воображения *не удачна*. Невеста оказалась *картонной* куклой...

Тогда... чувствуя, что с наукой и мирным прогрессом каши не сварить – обезумевшие народы возлагают остатки своих упований еще на два предприятия – два исчадия отчаянно-больного воображения – *войну* и *революцию*. Это последние две ставки на новый мир – авось хоть то, либо другое вывезет: обновит и преобразит жизнь, раздвинет горизонты – раскроет взору огненные дали. Ведь, как никак, *мировая война*, *мировая революция* – там и здесь высокого, красивого порыва хватает не надолго, в результате – *мировая мразь* – слякоть, пошлость, пустота и «скука смертная». – И мир все старее – тусклее, балаганнее, тошнотворнее становится от этих «мировых» затей. А других нет! Других никто не придумал! – Уж я ножичком полосну, полосну – скучно! Еще полосну – еще скучнее...

Для чего, собственно, так понадобилась человечеству эта судорога бескрылого желанья – война – драка государств и наций, революция – драка классов и сословий? Поводов, разумеется, тому и другому всегда найдено бездна, – поводов самых веских и основательных – а *причина* – причина только одна... жажда начать сообща какое-то грандиозное мировое действие, чем-нибудь отвести глаза, замаскировать унижительное, постыдное свое бессилие перед стихией, и хоть вид показать, что, не шутя, что-то делаешь – с чем-то возишься, борешься, куда-то двигаешься, на что-то надеешься. Только вот наше скифское племя, даже будучи в качестве всегдашних «послушных холопов» втянуто в «мировые» драки и скандалы, по уши в них увязнув, все-таки никогда не опустится до того, чтобы еще *серьезно* к ним относиться, чтобы хоть на миг счесть их *настоящим* важным делом, а не просто озорством и забавой от безделья и бесцелья.

«Народ войны не уважает», – подметил вдумчивый наблюдатель задолго до разложения нашей армии, – и конечно то же самое надо целиком отнести и к революции: и ее народ *не уважает* и *делом* ее не считает. Не имею возможности разбирать сейчас «Скифы» Блока,

⁷⁵ Горский отсылает к своему докладу «Красная тайна. Россия в поэзии А. Блока», который был прочитан в Одесском литературно-артистическом обществе 9 ноября 1917 года и напечатан в виде статьи в журнале «Южный огонек» (1918. № 16. С. 8–12).

где так откровенно выражена высшая степень этого неуважения к замыслам и мечтам, взлелеянным нашими европейскими соседями, и как равноценность противопоставлена им вероломная азиатская рожа.

Всем доселе сказанным, конечно, далеко не исчерпан смысл «Двенадцати» и лишь краем задеты «Скифы». Многие важные и любопытные грани облика поэзии Блока остались еще в тени.

Но пора подвести итог сказанному.

Старый мир, голодный, хвост поджавший пес, сколько от него не отрекайся, сколько его штыком не щекоти, будет бежать, не отвяжется до тех пор, пока не будет ясно, точно, безошибочно спроектирован новый мир. Иначе между разрушенным и невыстроенным возникает провал пустоты, скуки, куда и вытечет вся жизнь.

Желание нового мира без ясного представления о нем и есть бескрылое желанье.

Чтобы чему-нибудь вдвинуться в жизнь, воплотиться – необходимо ему сначала как следует вообразиться. И вот рецепты: вся власть учредительному собранию – или вся власть советам! Слишком ясно, что все эти собрания и советы – не смогут ни учредить, ни посоветовать ничего, что бы касалось, положим, ветра – а значит и поэту нечего сказать – о такой чепухе – вот если бы – группа людей [заговорила] о воздействии на ветер – на атмосферу – а тогда лирика – уже не могла бы остаться равнодушной.

Чтобы прочен был светлый пир труда и мира – этот мир – людей с людьми должен стать войной со стихией, с природой – войной до полной победы⁷⁶.

Да, скифскому поэту есть что предложить старому миру. И не то же ли самое предлагал «Клевет<никам> России» непонятый автор «Медн<ого> Всадника»:

«Да покорится же тобой и побежденная стихия»⁷⁷.

«Люди науки и культуры» не вняли этим голосам – не туда было направлено [1 нрзб.] их *воображения* (больного и дурацкого).

Кто, зная слабо Горького, знает его с этой стороны? Кому о последнем сказал Верхарн? И кому наконец известно самое имя Н.Ф. Федорова?⁷⁸

⁷⁶ Фрагмент «Чтобы прочен был ∞ “В последний раз опомнись, старый мир”» является более поздней вставкой, относящейся к началу 1920-х гг.

⁷⁷ Цитата из вступления к поэме «Медный всадник». Цитируя, Горский заменяет присутствующее в тексте строки слово «умирится» («Да умирится же тобой...») на глагол «покорится», акцентируя преобразовательный пафос петровской темы поэмы.

⁷⁸ Эти отсылки, содержащиеся во фрагменте, относящемся к началу 1920-х гг., связаны со стремлением Горького не просто намекнуть, как в тексте 1919 г., а прямо указать на идею регуляции природы. Говоря о Горьком, Горский имеет в виду его выступления,

Все эти голоса старым миром искусно заглушались, они раздавались глухо, как в погребке.

«Цвет интеллигенции и культуры» пребывает во сне, спать желает и не смеет его будить. Но двенадцать заставят проснуться и услышать и понять.

Все в них неосознанно, но верный инстинкт, и их выстрелы звучат предостережением:

«В последний раз опомнись, старый мир».

Жест героический для героя настоящей войны – настоящей – а не призрачной революции – и в нем раскрывается впервые душа революции, восстанья страшная душа⁷⁹. Поскольку она вывернута наизнанку, [она] сама стихия, а не интеллигентская программа.

Этим жестом, протестующим против князя власти воздушной, они сдаются Христу, сдаются *мечте невозможной* – конечно, лишь для больного и дурацкого воображения невозможной и на самом деле весьма возможной – и уже признанной научным мышлением – хоть оно еще и терроризируется больным и дурацким воображением современников, – мечте, диктуемой здоровым и осмысленным воображением, об овладении стихией, о победе над пургой, вьюгой, над темной страстью, бескрылым томленьем Эроса – ведущего к убийству не только у Петьки с Катькой, а везде и всюду (так убивают все любимых⁸⁰), наконец, над смертью...

Ведь и в сердце ветер снежный (страсть), и тот же ветер во сне, будет он и внутри, и всюду – одна пурга. И любовь будет убийством и т.д. И немощны пред нею, как пред ветром снежным, как пред грозой тучей.

Обратно – уменьше – управлять [1 нрзб.] ведет к плану регуляции.

в которых звучала тема победы над смертью, сближавшая писателя с Федоровым. Так, в лекции «О знании», прочитанной 30 марта 1920 г. в Рабоче-крестьянском университете, Горький утверждал «...человеческий разум объявляет войну смерти, как явлению природы. Самой смерти. Мое внутреннее убеждение таково, что рано или поздно, может быть, через 200 лет, а может быть, через 1000, но человек достигнет действительного бессмертия. Я не вижу пределов мощи человеческого разума, я не вижу пределов работы его, я не вижу пределов его творчества» (Архив А.М. Горького. Т. 12. Художественные произведения. Статьи. Заметки. М., 1969. С. 114). Упоминание Верхарна является отсылкой к статье-рецензии В.Я. Брюсова «Новые книги Эмиля Верхарна», которую родоначальник русского символизма начинал с рассказа о своей встрече с бельгийским поэтом Эмилем Верхарном (1855–1916). Когда собеседники заговорили об аэропланах и Верхарн сказал: «Я рад, что дожил до завоевания воздуха. Человек должен властвовать над стихиями, над водой, огнем, воздухом. Даже должен научиться управлять самим земным шаром», то Брюсов «к удивлению Верхарна» сообщил, «что эту мысль у него предвосхитил русский мыслитель, старец Федоров» (Русская мысль. 1910. № 8. С. 6, 2-я пагинация).

⁷⁹ *Восстанья страшная душа* – строка из стихотворения Блока «Вячеславу Иванову» (1912).

⁸⁰ Строка из «Баллады Рэдингской тюрьмы» (1897) О. Уайльда.

Те американцы, которые выстрелами орудий [пытались] вызвать дождь⁸¹, сделали первый шаг к разгадке Сфинкса.

Настоящая наука, культура будет считаться с *ветром* (и Лиссабоном! И Мессиной!), ей уже не страшна сфинксообразная – Фаина – Судьба...⁸²

И русские матросы – не сумели бы разве оправдать свое мессинское прозвище «народ героев», если бы их бедовой удали подвернулось такое мировое дело, которое действительно было бы делом, а не забавой – делом, которого они уже не могли бы *не уважать!* Ведь не другие – матросы – а те же самые – красовались недавно в русской революции – забавляясь вовсю, *там*, где, по их глубочайшему внутреннему чутью вообще позабавиться – не грех!

Ибо, конечно, пустая и глупая забава – переделывать жизнь по-новому, *пока...* по старому дует ветер, по-старому «бушует вьюга и пылит пурга...» Пока нет ни у кого мысли об управлении хаотическими волнами атмосферных течений, пока не начато превращение надрывной их дисгармонии безумного воя ночного ветра в дивную мелодическую музыку... то есть не затеяно в широком огромном масштабе того, что уединенно творит каждый лирик в изолированном и оттого до времени как бы иллюзорном, но пророчески-певучем круге своих волнений, своих органических излучений.

Вот чего просит и о чем ветер поет нам, звеня: чтобы жизни, чтобы воздуху и всем стихиям земли и неба даровано было согласие лиры. И началом этой гармонизации, этой космической музыки явится, может быть, как раз то самое, что практикуют кучка безумных шальных красногвардейцев в поэме Блока – стрельба в воздух, в ветер, воздействие взрывчатых веществ на атмосферические токи и волны⁸³.

Как это не раз бывало в истории, безумные оказались мудрее мудрых мира. Те домудрились всего-навсего до машин, кующих *ги-*

⁸¹ Первые опыты по искусственному вызыванию дождя методом взрыва в облаках были произведены в Северо-американских соединенных штатах в августе 1891 г. Федоров узнал о них из корреспонденции журналистки В.Н. Мак-Гахан в газете «Русские ведомости» за 24 октября, и это стало непосредственным толчком для актуализации федоровского проекта превращения орудий истребления в орудия спасения, а самого войска – в естественную силу. 14(26) октября 1898 г. философ выступил в газете «Новое время» с программной статьей «Разоружение», в которой этот проект был подробно изложен.

⁸² Фаина, поющая «песню судьбы», – героиня одноименной пьесы Блока. Называя ее «сфинксообразной», Горский соотносит ее образ с античным образом Сфинкса, задающего загадки Эдипу.

⁸³ Далее черными чернилами вписано: «Не стану говорить об Америке – о Горьком, о Верхарне – их голоса заглушены – кому это нужно, но вот это нужно». Вставка относится к поздней версии доклада, сделанной в начале 1920-х гг.

бель день и ночь; а что те же машины могли бы ковать *спасение* от гибели – никому как-то в голову не зашло.

А эти, пройдя чрез «сознание страшное обмана – всех прежних малых дум и вер» – нечаянно вплотную подошли к новой великой думе и великой вере – пред ними почти зажегся всеми утеранный – забытый – далекой цели путеводительный маяк⁸⁴.

И чем державней они будут шагать, чем отважней, уверенней и – планомерней, разумней палить в глухоту и черноту, в туман холодный и пустой, тем скорее растает в этом тумане неотвязно ковыляющий позади паршивый пес и тем явственней, осязательней с их державным шагом сольется Чья-то «нежная поступь». Ибо поистине он уже *ищет* их, невидимый забытый *товарищ*, мнимый враг, действительный друг, союзник и помощник в одном главном и настоящем деле, воспоминанием о котором тщетно мучатся суетливые работники «культуры», и которое одно в состоянии разрешить все сомнения муки – без какого разрешения вечно будет всякое иное дело – не в дело.

Вот в каком смысле эти двенадцать никому неведомых и невежественных людей несут в себе образ грядущего человечества.

Будет ясное небо! Отзвучит песня судьбы – и будет человек героем. С беспредельной мыслью и волей развернутся и пройдутся богатыри по необъятному простору. Тогда все миры искусства воплотятся в жизни вполне.

Подобно ваятелю, метким резцом извлекающему божественные формы из косной глыбы мрамора, – должно будет объединенное население планеты, молотами орудий, доступных научной, военной и промышленной технике, высвободить зерно тайного света из-под грубой скорлупы, гробного покрова мглы и *вымостить* торные пути к блаженному краю, где «не темнеют неба своды, не проходит тишина», та тишина и сейчас уже ведома немногим, ощутима ими на краткие мгновения сквозь мутный мрак и дикий вой слепой стихии:

Ты ведаешь, что некий свет струится,
Объемля все до дна,
Что ищет нас, что в свете ветра длится
Иная тишина⁸⁵.

⁸⁴ Далее вписано черными чернилами: «К тому же подходить: Америка, Горький, Верхарн». Вставка фактически повторяет предыдущую. По всей вероятности, Горский, делая доклад о «Двенадцати» в начале 1920-х гг., определялся, куда вставить пассаж о вызывании искусственного дождя в Америке, об интересе Горького к наследию Федорова, о разговоре Брюсова с Верхарном (см. примеч. 122).

⁸⁵ Цитата из стихотворения Блока «Ответ Владимиру Бестужеву».

Литература

Азадовский К.М. [Вступительная статья]. Письма Н.А. Клюева к Блоку // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4. М.: Наука, 1987. С. 427–523.

Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс, 1992.

Белый А. Материал к автобиографии (интимный) / Публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. М.: Феникс, 1992. С. 409–449.

Берковская Е.Н. Судьбы скрещенья: Воспоминания. М.: Возвращение, 2008.

Горский А.К., Сетницкий Н.А. Сочинения. М.: Раритет, 1995.

Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов. Вып. 1. Н.А. Сетницкий. М.: ИМЛИ РАН, 2003.

Комическое как врата вечного: А.К. Горский. Песни без недомолвок / Вступ. ст., подгот. текста, публ., примеч. А.Г. Гачевой // Комическое в русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 418–498.

Муравьев В.Н. Сочинения: В 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011.

Семенова С.Г. Философ будущего века – Николай Федоров. М.: Пашков дом, 2004.

Сергина С.А. Н.А. Клюев и голгофское христианство: к истории вопроса // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. М.: Индрик, 2016. С. 468–483.

Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988.

Федоров Н.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1995.

References

Antsiferov N.P. *Iz dum o bylom: Vospominaniia* [From thoughts of the past: Memoirs]. Moscow, Feniks Publ., 1992. (In Russ.)

Azadovskii K.M. Vstupitel'naia stat'ia. Pis'ma N.A. Kliueva k Bloku [Introductory article. Klyuev's letters to Blok]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 92. Kn. 4* [Literary heritage. Vol. 92. Book 4]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 427–523. (In Russ.)

Belyi A. Material k avtobiografii (intimnyj) [Materials for autobiography (personal)], ed. by J. Malmstad. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh* [The Bypass: Historical almanac]. 9. Moscow, Feniks Publ., 1992, pp. 409–449. (In Russ.)

Berkovskaya E.N. *Sud'by skreshchen'ya: Vospominaniya* [Intertwines of destiny: Memoirs]. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 2008. (In Russ.)

Fedorov N.F. *Sobr. soch.: V 4 t. T. 1* [Collected works in 4 vols. Vol. 1]. Moscow, Progress Publ., 1995. (In Russ.)

Gorskii A.K., Setnitskii N.A. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Raritet Publ., 1995. (In Russ.)

Iz istorii filosofsko-esteticheskoi mysli 1920–1930-kh godov. Vyp. 1. N.A. Setnitskii [From the history of philosophical and aesthetical thought of 1920–1930s. Iss. 1. N.A. Setnitsky]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. (In Russ.)

Komicheskoe kak vrata vechnogo: A.K. Gorskii. *Pesni bez nedomolvok* [Comic as gates of eternal: A.K. Gorsky. Songs without understatements], introd., ed., comment. by A.G. Gacheva. *Komicheskoe v russkoi literature XX veka* [Comic in Russian literature of the 20th century]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2014, pp. 418–498. (In Russ.)

Murav'ev V.N. *Sochineniia: V 2 kn. Kn. 2* [Works in 2 books. Book 2]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011. (In Russ.)

Semenova S.G. *Filosof budushchego veka – Nikolai Fedorov* [Nikolai Fedorov as a philosopher of the upcoming century]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2004. (In Russ.)

Seregina S.A. N.A. Klyuev i golgofskoe khristianstvo: k istorii voprosa [N.A. Klyuev and Golgotha Christians: To the history of the problem]. *Utopiia i eskhatologiya v kul'ture russkogo modernizma* [Utopia and eschatology in the culture of Russian modernism]. Moscow, Indrik Publ., 2016, pp. 468–483. (In Russ.)

Solov'ev V.S. *Sochineniia: V 2 t. T. 2* [Works in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. (In Russ.)

“A cross over snowstorm”: Philosopher Alexander Gorsky on Alexander Blok’s poem “The Twelve”

Anastasia G. Gacheva

Abstract: The introductory article and the publication introduce the academic analysis of A. Blok’s poem “The Twelve” by a famous philosopher, aesthete, and poet Alexander Konstantinovich Gorsky (1886–1943). The article, which has been preserved in Gorsky’s archive, consists of two parts. The first part was read as a report in Odessa literary and artistic society on January 23, 1919. Gorsky regards Blok as a philosophical poet whose reflection of man and history is weaved in artistic forms. He also reveals the inherent connection between “The Twelve”, which he interprets as a “lyrical drama”, and all other Blok’s oeuvre, and brilliantly demonstrates the way this poem exposes the theme of “Eternal Feminine” and its tragedy in the empirical world. Gorsky also analyses in detail the theme of “substitution”, the impotence of revolutionary action in front of natural disasters (they are embodied in images of

“blizzard” and “wind”) described in the poem. In contrast to the literary critics, who consider “The Twelve” to be the apology of Bolshevism, Gorski states that in the form of indirect statements Blok shows the incompleteness and disintegration of the social ideal, proposed by Bolsheviks. As for the image of Christ, appearing in the poem’s conclusion, Gorsky interprets it metaphorically as a “stone”, which should form the foundation for the holistic ideal of a new, perfect system of life. Only Christ, who has calmed down the storms, resurrected the dead, gives impulse to genuine social action. The “Twelve” persecute Christ, but the pursuer always involuntarily follows the persecuted. And so the persecutors can turn into followers, be transformed from “Sauls” into “Pauls”. The preface to the publication gives information about the Gorsky’s biography and literary heritage as well as describes in detail the history of the philosopher’s appeals to Blok’s work.

Keywords: philosopher and poet A.K. Gorsky, “The Twelve” by Blok as a “lyrical drama”, fractional and holistic ideals, tragedy of “Eternal Feminine”, motives of the “wind” and “blizzard”, the image of Christ.

Information about the author: Anastasia G. Gacheva, Doctor Hab. of Philology, Leading Researcher at the Department of modern Russian literature and Russian émigré literature, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: a-gacheva@yandex.ru